

АКАДЕМИЯ МАГИИ

АРДМИР МАРИ

ПРОФЕССОРСКАЯ
СЛУЖКА

Профессорская служба

Ардмир Мари

Профессорская служба

«ЭКСМО»

2015

Мари А.

Профессорская служка / А. Мари — «Эксмо»,
2015 — (Профессорская служка)

Тяжело быть служкой прославленного гения, молодого профессора Академии Магформ, стихийника и красавца, обремененного не только юмором, но и толпой... кровожадных поклонниц. Тех самых, первая встреча с которыми может стать и последней. Особенно если ты живешь в доме нанимателя, тебе нет восьмидесяти, ты умна и привлекательна и вдобавок временно носишь статус его невесты. Вернее, псевдоневесты, хотя к чему уточнения? Без каверз со стороны завистниц все равно не обойтись. Но разве это повод остановиться на полпути к мечте? Конечно, нет! Ведь долгожданное поступление в Академию вот-вот осуществится. И пусть цена у мечты не так уж высока, важно, чтобы мужской идеал кровожадин до последнего не знал, кому предъявят счет.

© Мари А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Профессорская служба Ардмир Мари

© Мари А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Стоим перед закрытыми дверьми усадьбы, я и поверенный. Хорошо стоим. Я в потрепанном путешествии плаще с водонепроницаемой и антиморозной подкладкой, он – в промокшем насквозь шерстяном пальто. Продрогшие и уставшие после изнурительного пути, грязные и голодные.

Ночь, темно, неприятно капает сверху, дует сбоку, а двери загородного дома некоего сэра Лесски уже три минуты как не открываются и остаются глухи к нашему тактичному стуку в начале двенадцатого ночи.

– Может быть, нет никого? – предположила я тихо. – Лучше всего было бы явиться утром понедельника в академию, а не в субботу ночью на порог усадьбы.

– Нет, и не думайте отлынивать, я и так с вами второй месяц мотаюсь по стране. – Поверенный, ежась от холода, еще раз постучал дверным молотком по медной пластине. И гулкий звук разнесся по холлу темного дома.

– Мистер Донели, – стерев с лица холодные капли, я примирительно улыбнулась, – надеюсь, вы помните, что я также не в восторге от длительных путешествий...

– Но в отличие от меня вы могли бы давно прекратить эти мучения, – парировал он.

Промолчала. А что сказать? Да, могла все прекратить, но не ценой своей свободы, чести, веры, дара, достоинства и, вполне возможно, жизни. Нет, нет и нет!

Посмотрев на мое воинственное выражение лица, поверенный протяжно вздохнул. Можно было бы подумать, что он отказался от мысли меня переубедить, но вместе мы уже не первый день, так что я, помалкивая, ждала следующего хода. И дождалась.

– Ирэна, умоляю вас не пререкаться с правообладателями на крибу. Вы уже увеличили срок заключения с полугода до четырех лет. Не стоит больше! – Поправив изрядно промокший котелок, он повернулся ко мне: – Поверьте, я уже не считаю потраченное время, я жалею вас. Участь крибы незавидна и сложна...

– Мне это известно.

– Так согласитесь на предложение сэра Норвилла!

От одного лишь упоминания о бывшем женихе я вздрогнула и покачнулась. В поисках опоры схватилась за дверную ручку и почти повисла на ней, не зная, как ответить на это предложение, не используя матросских оборотов речи.

– Выйдите замуж, нарожайте ему детей, – продолжил Роджер Донели, блестя глазами, – примитесь за обычную для леди жизнь, начните устраивать балы, вечера и женские собрания...

В устах поверенного это звучало сказочно, можно сказать – волшебю. Вот только я знаю, что, выйдя замуж, и дня не проживу. Раньше мне ничего не угрожало, сидела бы в деревне вдали от столичной суеты... Но после суда и яростного разбирательства тет-а-тет на милость барона Керваса надеяться глупо, он меня теперь не только магии лишит, но и жизни.

– Никогда! И попрошу больше не настаивать.

Со злости повернула дверную ручку и потянула на себя. Неожиданно массивная дверь поддалась с протяжным «скры-ы-ып», наполнив богатый дом неприятным эхом.

– Видите, Роджер, после всех сожженных мостов мне еще открываются двери!

И решительным шагом я вошла в темный холл неприветливого дома возможного правообладателя на меня, Ирэну Адаллиер, младшую дочь разорившегося барона.

По спине пополз холодок, и вспомнилось, как всего лишь два месяца назад я также вошла без стука... в контору. Без стука, без разрешения, как вор.

Нет, не ради наживы или уличения жениха в любовной связи с подругой, всего-то хотела внести маленькую поправочку в договор между моим разорившимся отцом и сэром Томасом Норвиллом, бароном Кервасом. Потому что деталь эта была жизненно важна для меня лично,

и я отчаянно надеялась, что всех частиц «не» в формулировках папенька и жених не помнят. Вот почему в моих руках звенел секрет профессионального взлома, в кармане брючного костюма позвякивала отцовская чернильница, а на шее висел амулет, призванный скрывать меня от любопытных глаз. Весьма дорогая побрякушка, за которую пришлось отдать полугодовой заработок внештатного лаборанта.

Впрочем, все это мелочи на пути к свободе, ранее я совершала и более решительные шаги. Например...

К тому, что папенька оставит троих дочерей без приданого, и я и сестры морально и экономически были готовы еще три года назад. По тетиному наставлению мы вовремя занялись инвестициями и подыскивали новый дом. Таким образом, скандал, разразившийся вокруг отца, нисколько не удивил нас, но порядком напугал женихов, поспешивших без зазрения совести аннулировать помолвки.

По воле рока в Академии Воздушных Потоків началась сессия, и, занятая получением знаний, я не сразу отреагировала на странное молчание моего «избранника». Однако безмолвствовать долго напыщенный франт сэр Норвилл не умел. Он выждал три недели, прежде чем заявить о своем праве жениха. Что подстегнуло барона сделать поспешный шаг к нашему воссоединению, лично для меня тайной не было. Наследник потребовался в срочном порядке, другого быть просто не могло. Барон не раз высказывался о спутнице жизни как о дойной корове детородного возраста, которая почитает своего хозяина как бога. Столь образное сравнение из его уст было объяснимо: из поколения в поколение род Норвилл владел огромными стадами крупного рогатого скота. Одно удивляет: почему, приводя пример с коровой, жених не называл себя быком.

В любом случае понятно, что, беря в жены бесприданницу, он рассчитывал на мою восторженную благодарность и сопутствующий ей ежегодный отел. И конечно, о том, чтобы остаться в Девенсии и продолжить учиться, речи быть не могло. Удел жены без рода и золота – деревня и экономичный корм, в преимуществе самостоятельно выращенный. В моем случае это тем более верно, так как Томас не только самовлюблен, хамоват и невосдержан к спиртному, он еще и скуп во всем, что не касается его лично. Если я откажусь без должного предложения, меня ожидает участь кривы – заключенной на основе невыполненного брачного договора. Не откажусь – участь коровы, живущей в хлеву мясника. Почему мясника? Потому что никто не знает, когда я надоем его милости. Поэтому лучшим выходом из положения станет его личный отказ от притязаний на большое «животное», то есть на меня.

Обдумав все тщательно и поэтапно, я «случайно» попала в лазарет академии и подменила свои результаты ежегодного медицинского осмотра. А именно попросту добавила в карточку пару неприятных хронических болезней и одну якобы семейную. Как-то давно папенька говорил, что тетка его троюродная чем-то таким болела. Пусть она родственница дальняя, зато болячка получается вполне родовая. Но лишь этим я не ограничилась. И по приезде домой отчаянно-нечаянно пожаловалась наемной поварихе, что неважно себя чувствую. Точнее: грудь болит, живот крутит, от еды воротит, а ноги и руки дрожат и покрываются странной сыпью.

Не прошло и дня, о моем недомогании приехал справиться сам барон и его доктор. Полноватый мужчина преклонных лет в черном сюртуке и накрахмаленной рубашке, с простым платком вместо галстука. Он смотрел на меня внимательно и отчего-то настороженно. Странное дело, разве можно поставить диагноз по тем обрывкам, что я передала кухарке? Или же весть, докатившись до жениха, обросла новыми подробностями?

Как бы то ни было, дабы обезопасить себя и еще раз уверить доктора в своей болезненности, я, закашлявшись, дрожащей рукой протянула ему карточку результатов с последнего медосмотра. По ходу прочтения лицо его становилось все более белым и удлинненным, и руки теперь дрожали точь-в-точь как мои.

– Мистер Рега, что-то случилось? Вам не нравится мое физическое состояние?
Дрогнул и дыхание задержал.

Неужели боится, что моя семейная болячка примет его за родного? Или же хронические заболевания сочтут достойным носителем? Ответом мне стал его неуверенный шаг назад, затем еще один и еще. Я удивленно вскинула бровь. А мужчина отступал до тех пор, пока стена не преградила ему путь, где он на мгновение зажмурился и все же решился дышать. Хрипя и хватая ртом воздух, джентльмен с трудом нашупал рядом стоящий стул и упал на него.

Обреченно скривившись, доктор целых пять минут молчал, а затем спросил надтреснутым голосом о последних моих женских недомоганиях. К счастью, сэр Норвилл оставил нас в гостинной тет-а-тет, дабы поздороваться с папенькой, так что я, не стесняясь, говорила прямо.

– Если честно... – кашлянула, забыв прикрыть рот ладонью с платочком, – даже не помню, когда они были в последний раз. Меня тогда скрутило не на шутку, и я несколько раз теряла сознание...

Сглотнул. Удивление, брезгливость и вместе с тем жалость, отразившиеся на лице почтенного человека, навели на мысль, что с болезнями я перестаралась. Впрочем, размышлять на этот счет мне долго не пришлось. Доктор со вздохом облегчения поднялся, отложил мою карточку на стол для писем и неожиданно вспомнил о делах. Не иначе, услышал шаги моего жениха и поспешил ретироваться.

– Сэр Норвилл! – стараясь не показать своей радости, воскликнул мужчина, когда барон вошел в гостиную. – Как ни жаль мне признавать, но я должен срочно откланяться. Так как время не ждет, а я сегодня не в своей карете, не могли бы вы доставить меня на место?

Вот так он решил увезти жениха не только из комнаты, но и из дома больной невесты. Хороший знак. Я с трудом сдержала улыбку и позволила себе не дрожать излишне сильно.

– Моя дорогая, вы позволите? – Напомаженный толстяк в ярком синем фраке, надушенный до удушья, двинулся ко мне.

– Не смею задерживать. – Я потеряла глаза, слезящиеся от запаха, и, кашлянув, протянула руку для поцелуя.

– Благодарю за понимание, через минуту я вновь буду у вас. – Томас медленно склонился ко мне. Еще бы с его животом он проделывал это быстро!

Глядя на нас, мистер Рега шагнул вперед в надежде предостеречь, но, поймав мой вопрошительный взгляд, он ничего не произнес. Смутился.

Я не проводила их до двери, симитировав новый приступ кашля. Мой жених уходил вальяжно, доктор стремительно, но стоило им оказаться за дверью дома, как мужчины поменялись ролями, сэр Норвилл схватил оторопевшего доктора за грудки и, встряхнув его, прошипел:

– Что, черт вас дерит, происходит! Я думал, вы осмотрите ее и подтвердите слухи!

И это он заявляет, стоя на крыльце моего дома? Неслыханная дерзость.

– Осматривать несчастную кощунство, ваша милость. – Доктор скосил взгляд на дверь.

Не зря скосил, за ней стояла я, подслушивала и не дышала, стараясь не рассмеяться. Все-таки роль больной мне удалась.

– Говорите яснее, – фыркнул рассерженный барон.

– Девушка умирает.

От такой новости я чудом устояла на ногах и даже не покачнулась. Смерть ничто перед возможным замужеством! Главное, чтобы жених от меня сейчас отказался, а вот как объяснить мою живучесть, я решу уж как-нибудь потом.

Багровый лицом сэр Норвилл требовательно спросил:

– Сколько ей осталось? Я успею жениться?

– Неделя, – печально прошептал служитель медицины и развел руками: – При самых оптимистичных прогнозах – месяц или два...

Краснота мгновенно слетела с лица барона.

– Успею! – деловито заявил он и расплылся в довольной улыбке. Отпустив доктора, жених сошел со ступеней и, что примечательно, насвистывал он при этом свадебный марш.

Несколько мгновений мистер Рега, как и я, стоящая за дверью, смотрел на светского щеголя в весе со священным ужасом на лице.

– Она больна!

Наверное, я впервые порадовалась тому, что двор наш, как тюремная клетка, закрыт и мал. В нем слова жениха и его доктора без искажения долетали до входной двери дома. И, затаив дыхание, я ждала слов барона как чуда, а услышала...

– Ничего страшного. Если Ирэн из академии не выгнали с таким здоровьем, ее состояние прекрасно устроит и меня.

По знаку к воротам подъехала карета его милости, и приткий слуга, распахнув дверцу, замер в низком поклоне. Они могли бы продолжить разговор внутри экипажа, но мистер Рега, не сходя с места, решился спасти хотя бы одну невинную душу. Мою-то он уже на небеса отпустил.

– Сэр Норвилл, барон... Томас, – в волнении доктор пренебрег официозом и, запыхавшись, нагнал того у экипажа, – ради вашего здоровья и хорошего самочувствия откажитесь от идеи с женитьбой.

– Это еще почему?

– Потому что... потому что... чтобы не навредить себе, вы не сможете ее даже поцеловать, – смущенно заметил мужчина.

– Даже на венчании?

– На венчании дозволены скромные поцелуи, – доктор замялся, – я имел в виду...

– Обойдусь, – весело ответил барон Кервас и шагнул к раскрытой двери кареты.

Мистер Рега еще что-то тараторил невнятно, убеждая и доказывая, но прыть его не была оценена.

– С ней главное не это... – было последним, что долетело до меня.

Не это? Тогда что? Разве я не должна ему рожать и безропотно подчиняться? Так ему моя смерть на руку?! Упрямо топнула ногой. Вдовцом ему не бывать, он даже не сможет жениться!

Решительно настроенная спасти себя от замужества, я ворвалась в кабинет и потребовала от отца договор. Он с трудом оторвался от пасьянса и не сразу вник в суть просьбы, но договор все же предоставил.

Я читала бумаги здесь же, не отходя от стола. Обычный набор стандартных пунктов, ничего особенного для наших краев, кроме пункта о передаче супругу не только меня, моего приданого, но и энергии моего магического дара. В глазах зарябило, а руки в этот раз задрожали без моего на то старания. Сэр Норвилл, этот... Этот Бык Коровий вознамерился лишить меня последней радости существования в качестве его жены. А ведь я еще толком не окрепла и, отдав энергию, потеряю и связь с магией! Прекрасная перспектива – стать пустышкой, даже не разобравшейся, что мне даровано. О да, в этом случае скорая «кончина» супруги огорчать барона не должна – жены нет, а энергия осталась.

– Да как он посмел даже думать об этом?! – Я возмущенно сжала руки в кулаки. – Ни за что и никогда!

– Что тебя смущает, дочь? – настороженно спросил папенька, оторвавшись от созерцания огня в камине. Пасьянс он уже разложил.

– Меня смущает сэр Томас Норвилл и...

– Детка, – отец заговорил тоном наставника, отчитывающего малышку за шалость, – мы должны благодарить небеса за верность барона. В отличие от женихов твоих сестер он не разорвал нашей договоренности и готов взять тебя в жены. – Со вздохом папенька воздел глаза к небу и мечтательно закончил: – Он вызволит нас из бедности...

Меня не столько возмутила его наивность, сколько уверенность в нашем нищенском существовании. Я не дала ему договорить:

– То есть наша одежда, еда и городской дом с пятью спальнями и небольшим садиком в респектабельном районе города для тебя бедность?

– С тремя спальнями, две другие были переоборудованы из кабинета и кухни, – заартачился он и отмахнулся, вновь собирая карты в колоду: – А на заднем дворе у нас отнюдь не парк, где бы я мог провести пышный прием для друзей.

С трудом удержала вопрос: «О каких друзьях идет речь?» – потому что таковых в окружении отца нет, как и не было. Все они совсем недавно показали свое истинное лицо. Прознав о финансовом состоянии моего родителя, они не дали ему удержаться на краю пропасти и, ничего не ссудив, потребовали вернуть прошлые займы, а также старые карточные долги.

– К тому же, – продолжил наш глава семьи, налив вина в опустевший бокал, – мы не в центре богатого района. Живущие по соседству не играют в бильярд, не посещают скачки, не пьют вино и не разбираются в юмористических опусах Раймса...

– Какое досадное упущение... – Я зло сыренизировала, но он решил этого не заметить.

– Именно.

– И какая неблагодарность! – Я возмущенно фыркнула и прошлась из одного угла в другой, стараясь унять вспышку гнева.

Если бы мы с сестрами не продали все драгоценности матери, отец сидел бы в тюремной камере на каменном полу, присыпанном соломой. И уж точно не у камина в шелковом халате, попивая боргское и мечтая вернуться к друзьям в болото цинизма. Туда, где в перерывах между скачками и карточной игрой можно было посмотреть постановки скандально известного маэстро.

Мое негодование папенька решительно не замечал, он откинулся в кресле и, глядя сквозь бокал, произнес:

– И, как сказал сквайр Адамсон, скудоумие и нищета окружения постепенно заразит даже самого... – вспоминая выражение, он ненароком посмотрел на меня. Замолчал.

И я молчала, сверля его почти ненавидящим взглядом.

– Ты хотела еще что-то спросить? – Прочистив горло, он ослабил шейный платок.

– Почему вы согласились отдать мой дар?

– Энергию, дорогая моя. Всего лишь энергию... – В нем опять заговорил ученый назидатель, и голос этот был поистине раздражающим. – Это не одно и то же, и энергия у магов восполняется.

– А вас не смущает, что, отдав ее до двадцатипятилетия, я потеряю дар?

И по лицу его видно – смущает, но только сейчас и то недостаточно, нет раскаяния в нем, ни на грош. Папенька хлебнул вина для храбрости и отмахнулся:

– Твой дар несущественен и проснулся не в пятнадцать лет, а три года спустя.

– Он еще не раскрыт, – уверенно ответила я, сцепив руки. – У меня хорошие показатели, и пребывание на втором курсе академии это подтверждает.

– Твоя учеба подтверждает лишь твоё упрямство!

– Мое упрямство подтверждает лишь наше с вами родство. Не стоит путать, – парировала я.

– Ирэн! – Грозный окрик, взгляд осуждающий.

– Да, папенька? – Смиренный вид принять не успела, а потому из-за моего благожелательного тона он задохнулся и не сразу решил, что сказать. Но сориентировался в ситуации все же быстро. Вспылил, вскочил, швырнул бокал в камин и возмущенно вскрикнул:

– Как смеешь ты противиться отцовской воле?

– Как совершеннолетняя дочь, я имею на это полное право.

– У тебя нет прав!

– У вас с некоторых пор тоже, – холодно намекнула на его шаткое положение в обществе. И пусть все наше имущество сумело покрыть почти девяносто пять процентов долгов, а оставшиеся мы с девочками вот-вот уплатим, папеньке не вернуть ни бывшего доверия, ни лицензии на финансовые операции, ни прав свободного гражданина страны.

– Ты... – он указал на меня пальцем, – всем обязана мне!

– О, в этом я даже не сомневаюсь...

Неприкрытое ехидство моих слов его покорило. Его глаза налились кровью, пальцы скрючились, в голосе прорезались нотки гнева. Глава нашей семьи раздраженно покосился на бутылку боргского, решаясь и ее для пушей убедительности швырнуть в камин. Но передумал:

– Не будь я занят вашим обеспечением, ты бы и на шаг не приблизилась к Академии Воздушных Поток!

– Нашим обеспечением... – повторила я, с удивлением глядя на отца. Да, более интересного определения для его клубных развлечений найти просто невозможно. – В таком случае за свою свободу от ваших наставлений я должна благодарить ваших же... друзей.

И, громко хлопнув дверью, удалилась к себе.

* * *

На самом деле за свою свободу от экономически необразованного отца я, Ливи и Эмира всю жизнь будем благодарны тете по материнской линии. Элеонора Рус после кончины матушки оказалась единственным человеком, которому мы могли доверять. Именно она настояла на вложении наших денег в прибыльные предприятия, она настаивала на моем поступлении в академию, несмотря на слабый, поздно проявивший себя дар, она же и вбила в наши головы простую истину: «Заботиться о своем благополучии вы должны самостоятельно». На нашего папеньку тетя не злилась, но приговаривала: «Он идет своей дорогой, всегда шел и всегда будет идти. И, чтобы не стать безвольными птицами в клетке, вы должны быть максимально защищены от отцовской воли».

Что ж, я в очередной раз убедилась в правдивости ее слов и собиралась вычеркнуть ошибки прошлого из своего будущего. Барон Кервас не получит меня.

На амулет для отвода глаз, мужской костюм и секрет мастеров взлома я потратила почти все свои деньги. И, не откладывая в долгий ящик, с наступлением темноты отправилась во владения жениха. Сэр Норвилл был состоятелен и знатен и, переехав к нам из Акры, во всем желал походить на местную аристократию, в том числе и в вопросе хранения важных бумаг. А потому искать договор следовало не в загородном доме, а в офисе его фирмы «Нор ин Фо». Он находился на побережье и занимал лучшие портовые склады города, однако охранялся кое-как. Используя магию воздуха, я легко проникла в здание и, пройдя по многочисленным коридорам, задержалась лишь с замком у двери в кабинет барона. Но уже через две минуты я преодолела последнюю преграду к свободе... или заключению, если поймают.

Сейф нашелся в шкафу, под полом, в специально созданной нише из металла, не пропускающего магию. Он так и зовется – антимагер или лучший «кладосхрон». Но там, где предусмотрена защита от магов, чаще всего нет защиты от простых воров, тех самых, которые в силу незнания вскрывают самые сложные замки. Вот у одного такого, заплатив немало, я заказала ключевой разводник и проверила на тайнике отца. Секрет мастеров взлома не подвел ни тогда, ни сейчас. Я внесла поправку в договор и, вернув все на свои места, уже закрывала кабинет, как вдруг из-за поворота на меня выскочила хохочущая полураздетая мисс Мария Хэмт, а вслед за ней всклокоченный сэр Норвилл в расстегнутых штанах, к слову, единственном предмете, отделяющем его от наготы.

– Не поймашь! – взвизгнула моя подруга, вывернувшись из загребущих рук моего жениха.

– Ах ты, маленькая... дрянь! – хохотнул мужчина, хватая ее за подол платья.

Резкий рывок – и обрывок ткани остается в его руках, а рыжеволосая красотка стремительно скрывается в соседнем коридоре. Оскалившись, как дикий кот, барон Кервас медленно двинулся следом.

Не буду скрывать, я познакомила их год назад в тайной надежде, что сэр Норвилл будет сражен красотой Марии и с радостью разорвет договор с моим отцом. Я даже планы строила: как он влюбится, упадет к ее ногам с толстыми щиколотками, забудет обо мне раз и навсегда. И вот что вышло: свободу не приобрела, подругу потеряла. Я уходила, стараясь не вслушиваться в довольные визги и утробные рыки, долетающие из коридора, но фраза, прозвучавшая между этими звуками, неожиданно привлекла меня.

– ...Когда покончу с Ирэн... займусь непосредственно тобой...

– Ах! Но почему не сейчас! – всхлипнула довольная, тяжело дышащая Мария.

Я остановилась. А действительно! Почему бы ему не взяться за нее сейчас или уж завтра? Ей двадцать пять, отдать энергию без вреда для собственного дара она может в любой момент, а я, по некоторым данным, мало того что заразна, так еще и умираю.

– Пото-му-у что сейчас... – прохрипел мужчина, – я для тебя не настолько си-и-илен!

– Ты очень силен! – тут же завершила его влюбленная глупышка и сдавленно охнула: – О, как же ты силен!

Н-да, особым умом Мария никогда не отличалась, сложно было представить, что так же плохо обстоят дела и с гордостью девушки. Я вышла из офиса фирмы «Нор ин Фо» и побрела по улице, не разбирая дороги. Что-то во всей этой ситуации не так, но что именно, не ясно.

Окрепший, свершившийся маг в нашей стране является восстанавливающимся энерго-емким источником и носителем магического дара. Мы можем за счет своей энергии питать ночное освещение городов, отапливать дома и подогревать пищу, а дар используем лишь в соответствии с силой, которой принадлежим. Я – воздух, Мария – огонь, у меня энергии крохи и уровень нулевой, у нее же полный резерв, все-таки маг первого уровня. И дураку ясно, что как источник я пока никчемна. А барон и без расщедлившейся рыжей мисс может приобрести полный резерв и израсходовать его по своему усмотрению.

Так почему он все равно не отказывается от меня – ни от живой, ни от умирающей? Зачем ему крохи энергии? Для чего они нужны состоятельному, все еще молодому и свободному человеку?

И вот на этой мысли я остановилась, развернулась и зашагала обратно. А является ли барон Кервас простым человеком?

Людам крохи ни к чему, они для отопления покупают резервы, а вот магам нужны, особенно выгоревшим. Такие для восстановления тянут энергию из окрепших не могут, а вот из слабых – вполне. К несчастью, возрождая себя, маги лишают доноров не только энергии, но и магического дара. Опустошенным, конечно же, платили, и весьма прилично, но вопрос денег становится неважен, когда донор в свое двадцатипятилетие узнает о потенциале, который он упустил. Не страшно, если таковой охватывал первый уровень, обиднее, если был утерян четвертый или пятый. А прецеденты случались на каждом шагу. Страдай только одаренные, дело, быть может, и замаяли бы... Но и для страны терять энергетический источник в пять баллов из-за выгоревшей единицы оказалось так же кошунственно. Особенно если брать в расчет, на чем горели маги. И кабинетом министров был создан закон, воспреещающий передачу энергии от неокрепшего источника к магу-погорельцу.

Но кто сказал, что в нем нельзя найти лазейку?

Вот она я, обладательница слабого дара и неокрепший источник, почти жена, смерть которой лишь на руку супругу. И договор с отцом он заключил ровно через месяц после пробуждения моего дара. Все сходится.

И лишь одно напрягает – одаренного в сэре Норвилле я должна была заметить, потому что в каждом из нас навсегда остается магический отпечаток. Правда, и здесь не обошлось без исключений, таковыми стали маги третьего уровня. То ли тройка – цифра невезучая, то ли звезды над ними неправильно сошлись, но после выгорания они становились почти людьми, а восстановиться могли лишь через восемь или десять лет.

Я прошла квартал, не понимая, что же меня так смущает в этом деле, как вдруг...

Стоп!

Оторвав взгляд от мощеной дороги и не видя ничего, вдруг я осознала. Если барон – маг третьего уровня, хоть и выгоревший до потери отпечатка, он просто обязан заметить мое вмешательство в договор!

На этой мысли я перестала дышать.

Что же теперь делать?

Решение пришло спонтанно, и было оно поистине кровожадного характера – сжечь! Если не все здание, то хотя бы кабинет моего жениха, на крайний случай – только бумаги в сейфе. А повод? На несколько мгновений я вновь похолодела от ужаса и вдруг сообразила. Его измена. Чем не повод? Ворвусь, рассвирепею, расшвыряю любовников в разные углы, устрою погром с поджогом! И тут опять моя привычка просчитывать не дала мне сойти с места. В голове возник вопрос: а с чего вдруг такая добропорядочная девушка, как я, нагрянет в офис жениха среди ночи?

Чуть-чуть пройдясь туда-обратно, подумала еще немного и неожиданно нашла уникальный выход, объясняющий не только мое появление в темном офисе, но и излишнюю мою живучесть! Результаты анализов из Академии Воздушных Поток, ко всеобщему счастью, нечаянно перепутали, вот я к нему и примчалась. А почему примчалась? Потому что решила, что он побрезговал явиться вновь, хоть и обещал сегодня утром, и даже карточки с извинением не отправил! И вот я, стремясь очистить свое имя перед женихом, явилась с радостной новостью, а тут...

Выйдя из раздумий, с удивлением обнаружила себя напротив офиса сэра Норвилла. Его карета все еще ютилась в узком дворике, а кучер спал на подножке. Еще не уехали! Это знак свыше! Вот так лихо, добавив к решению дополнительное «за!», я устремилась в здание на волнах родной стихии. Двери со щелчком открывались и хлопали сзади меня, стекла звенели, шуршание раздавалось тут и там, но парочку от совместных лобызаний это не отпугнуло. Я растерянно остановилась на пороге в его кабинет, а затем громко заявила о себе:

– Я требую объяснений!

Норвилл, путающийся в спущенных штанах, и Мария с юбками, задранными на голову, оторвались друг от друга, разомкнув тесный контакт, и удивленно заозирались.

Только сейчас я вспомнила об амулете для отвода глаз, воздушным потоком распахнула окно и сдернула с себя магическую вещь. Как и ожидалось, пара обратила внимание на окно.

– Куда вы смотрите, я у вас спрашиваю?!

Вздрогнули.

– Что? – первым в себя пришел барон. Подтянув брюки до живота, он осоловевшим взглядом посмотрел в сторону звука. Глаза его по-рыбьи округлились, брови недоуменно взлетели, а подбородок отвис, вот-вот рот развяжется.

– Как вы посмели! – вопль, а не крик.

– Вы... вы подлец и эта... – в порыве чуть не назвала Марию по имени, но вовремя спохватилась: – Эта женщина! – шевельнув пальцами, заставила легкий ветерок открыть лицо «неизвестной» особы. Юбки опали, и отчаянно красная девушка побелела.

– Ты?..

И я начала задыхаться, как бы это сделала любая леди, чей жених изменил ей с лучшей подругой.

– Ты!

– Ирэн, не горячись!

В это мгновение наступило так называемое «краткое затишье перед бурей», которая по моей воле уже зарождалась в комнате. Ей я отдала разводник взломщика и помогла проникнуть не только в шкаф, но и в сейф. Еще минуту на волнение стихийного вихря, и можно будет поджигать!

Но занятая представлением, я не заметила, как барон Кервас подал знак о помощи. Зло прищурилась и воздушным потоком размозжила красную кнопку. Ее осколки разлетелись в разные стороны.

– Ирэн, данная ситуация может быть неправильно воспринята тобой! Я и мисс Хэмт... – Видимо, сэр Норвилл расценил мое молчание как желание выслушать доводы.

Не на ту попал, у меня самой идея горящая!

– Вы были близки! – взвыла, обхватив себя за плечи. Ну-ну, пусть понадеется, что у него получилось меня остудить. И барон Кервас, обнаженный до пояса, но с застегнутыми наглухо штанами воспрянул духом:

– Здесь и сейчас... не было ничего предосудительного. Я и Мария...

Правильно, пусть теперь попытается их соитие обозначить как внутренний массаж, так необходимый рыжей... леди. Но он запнулся, переводя взгляд с нее на меня, чем я не преминула воспользоваться, подняв крик, совершенно не приличествующий аристократической сдержанности.

– Занимались любовью! Когда я!.. Когда я, – вовремя вспомнила объяснение своего неожиданного визита и использовала его, – только-только узнала о своем здоровье!

– Вы умираете. – Сэр Норвилл определенно неправильно понял меня, попытался воззвать к рассудку недолговечной невесты. – Не стоит растрачивать силы...

– Черта с два! Я жива и здорова! – Ругательство было лишним, но я о нем не пожалела.

– Что?! – спросили одновременно – он с ужасом, она с писком.

– То, что слышал!

И я всколыхнула пламя свечей и пошла ва-банк.

Глядя на полыхающее пожарище, что разрослось под воздействием моей силы, я радовалась своей находке, барон ревел нечеловеческим голосом, Мария визжала. И в суматошной панике, среди гари и дыма, никто не вспомнил о том, что рыжая красавица по сути своей огневичка.

Глава 2

– Встать. Суд идет.

Фраза звучит красиво, а суд на самом деле был скромный. Собрание из пяти человек: меня, барона, наших адвокатов и судьи. Именно он, высокий тощий человек с козлиной белой бородкой и молодым взглядом, так объявил свое явление.

– Присаживайтесь, – разрешил он и, заняв свое место за высокой кафедрой, обратился к нашему «собранию»: – Рад приветствовать молодоженов...

– Простите, господин судья. – Не успев сесть, мой защитник мистер Гилл поспешил развеять возникшее недоразумение. – Между мисс Адаллиер и сэром Норвиллом...

– Бароном Кервасом, – вскинулся защитник названного.

– Да-да, мы знаем о происхождении джентльмена, – не без ехидства на его снобизм заявил мой адвокат и продолжил ровным тоном: – Так вот, между ними действительно существует договоренность о браке, но собрались мы здесь по другому поводу.

Глаза судьи озорно сверкнули, и он, не удосужившись заглянуть в бумаги, весело вопрошал:

– По какому же?

– По глупому, – набычился барон, который вот уже час пытался уговорить меня всеми правдами и неправдами.

– Отнюдь, – возразила я тихо, но уверенно. После всего сказанного и сделанного хода назад нет. Так что не сдаюсь и не прогибаюсь.

– Очень интересно, – улыбнулся судья Живулони.

Еще бы ему не было интересно. О том, как сгорело все здание стремительно развивающейся фирмы «Нор ин Фо», писали в газетах. На первой полосе среди самых скандальных городских известий красовались руины детища барона, сам он в многократно прожженных штанах и полураздетая Мария, платье которой я чудовищно испортила. Хотелось на ней оставить лишь корсет, но в последнее мгновение я сжалась над лицемерной предательницей и сохранила ее белье. Фривольные оборочки коротких дамских панталон с дырами в форме сердечек смотрелись оригинально.

Что и говорить, тетя всегда считала, что я обладаю утонченным чувством стиля. К счастью, мне, как мастеру шедевра, было позволено ютиться в тени своего творения – я вовремя вспомнила об амулете и не попала в объектив.

Моей невероятной смелостью и наглостью сестры были поражены, возмущены и не... неправильно оценили мое рвение к свободе. Поначалу в пылу яро... яркой сестринской любви они поддерживали меня физически. Это так и звучало: «Ливи, держи ее, а я по шее дам!», «Лучше ты держи, я дам по заднице, быстрее дойдет!». Это было лишь вначале. Когда же они устали гоняться за мной по дому и прилегающему саду, я, отдышавшись от быстрого бега, объяснила все без утайки. Признав мою правоту, им пришлось прибегнуть к моральной поддержке. И в один голос сестры приказали не сдаваться, держать оборону и держаться до последнего. Что я и делала, уверенно отбивая все подачи барона Керваса, мысленно посылая его к такой-то рыжей гадости.

За раздумьями пропустила момент, когда судья углубился в чтение документов, и очнувшись, стоило ему улыбнуться шире и чуть ли не нараспев сообщить:

– Историю вашу помню. Удивляет лишь одно: передо мной лежат бумаги со ссылкой на договор. – Он обратил свой взор на красного лицом барона, спрашивая: – Иск за нанесенный ущерб подавать не будете?

– Нет. Мисс Ирэн Адаллиер моя жена...

– Это неправда, ваша честь, – вступился мой адвокат.

Но барон Кервас и не думал оправдываться на этот счет, он посмотрел в мою сторону, процедив сквозь зубы:

– Скоро ею будет.

– Тщетные надежды, – парировала я.

– Не стоит сомневаться в супруге, моя дорогая, – прорычал сэр Норвилл.

– А вам не стоит ее недооценивать.

– Приятная темпераментность, – поделился своими замечаниями судья, на что так называемый жених скривился, вновь вспомнив про коров:

– Паршивый норов.

Я окатила его презрительным взглядом, он меня сухим и мрачным взором и, неожиданно подавшись вперед, взял за руку со словами:

– Простите, господа, но дабы прекратить ругательства, я хочу ненадолго уединиться с суп... с мисс Адаллиер.

– Не позволяйте им выйти! – вскинулся мой адвокат.

– Не паникуйте, – пристыдил его коллега, – барон Кервас джентльмен, а не какой-нибудь бык, то есть пастух...

Я, не сдержавшись, прыснула в кулачок. Уж слишком подходящее было подобрано слово. А вот мистер Хонаги подавился собственными словами, едва в его сторону взглянул барон, красный не только лицом, но и шеей.

– Выходить не придется, – успокоил всех судья и протянул черную монетку глухого полога: – Возьмите. Пяти минут на разговор будет достаточно?

Сэр Норвилл принял артефакт и произнес, активируя его:

– Достаточно.

Раздался щелчок, и, как все магические вещицы судей, артефакт засветился. Белый свет его излучения вначале уплотнился над монеткой, а затем с шипением накрыл меня и барона Керваса полупрозрачным шарообразным пологом. Сфера глушила звуки для адвокатов, но вряд ли для судьи, это понимала я, а также видел и Томас. И в то время, как Живулони взирал на нас с хитрым прищуром, ожидая развязки, мой жени... ушлый бык, а назвать его иначе я не могу, выудил из кармана свои часы на цепочке, положил на стол и открыл крышку.

В пространстве сферы раздался дополнительный щелчок, полог стал плотнее, лицо судьи вытянулось точь-в-точь как у защитников минутой раньше, а сэр Норвилл приступил к новой атаке.

– Дорогая... – прозвучало нежно, – Ирэна...

В этот раз он постарался сдержаться и не оскорблять, но я еще помнила, что он говорил сегодня на ступенях здания суда.

– Я вам не дорогая. И о фамильярности вы, сэр Томас Норвилл барон Кервас, можете забыть.

– Мисс Ирэна Адаллиер, как ваш жених, я не желаю начинать семейную жизнь со скандала.

Мое возмущение его ничуть не смутило, наоборот. Норвилл заговорил увереннее и встал, желая подавить меня своей массой. Той самой, которую набрал за годы процветания «Нор ин Фо». Но добился противоположного эффекта, я с ехидцей в голосе предложила:

– Не хотите скандала – аннулируйте договоренность с моим отцом.

– Поэтому, – продолжил барон, будто бы не слыша, – я предлагаю замять разбирательство полюбовно и забыть об этом деле раз и навсегда.

– Вы мне изменяли!

– Вам привиделось. Я делал мисс Хэнт... массаж. Конечно же, я готов услышать вашу теорию, если есть иные доказательства, – здесь он взял паузу и опять развязно ухмыльнулся: – Помимо слов.

Я решительно отстранилась, увеличивая между нами расстояние, но мясистая, чуть влажная ладонь опустилась на мое плечо, пригвозждая к месту. Слишком нагло, чтобы это можно было стерпеть.

– Кристаллы охраны должны нести данные свидетельства.

– Хм... – Томас наклонился ко мне и прошептал издевательским тоном: – Видите ли, дорогая, благодаря вашей истерии они также были утрачены. Правда, кое-что сохранить смогли. А именно, незамеченное проникновение моей юной невесты...

Воздушным потоком сбросила его руку с плеча и встала. А встав, сделала шаг назад, чтобы удушливый запах мужского парфюма не вгонял меня в бессознательное состояние.

– Выходит, сэкономив на подарках для будущей жены вы, сэр Норвилл, не поскупились на дорогие охранные кристаллы. Похвально! – И, театрально хлопая в ладоши, я решила на ответный ход и снизошла до словесных оборотов его милости:

– Дорогой, быть может, моя истерия и уничтожила ваш офис до основания, но договор в отцовском кабинете остался без изменений. Желаете, чтобы я его обнародовала?

– Бесценная моя, – сквозь зубы рыкнул сэр Норвилл, – ты, видимо, не совсем осознаешь, что значит быть кривой.

Конечно, знаю. Вчера весь остаток ночи только тем и занималась, что просвещала себя на этот счет. Но ему я об этом не поведала.

– Отказав мне, вы получаете срок в полгода и нового правообладателя. Должен заметить, его также выбираю я.

Толстый франт медленно обошел стол, чтобы вновь оказаться непростительно близко. Улыбнулся, впериw взгляд в вырез моего платья, и причмокнул губами, припечатав меня унижительным «ты»:

– Как ты понимаешь, если условия заключения не устроят его, ты переходишь к следующему, а срок растет.

Медленно села и минуту невидящим взором смотрела на ехидное лицо изменника, мечтавшего о моей скорой кончине. Подобный оборот можно было ожидать, но я не была к нему готова.

– Теперь, – барон Кервас остался довольным произведенным на меня эффектом и едва сдержался от потирания рук, – подумай над тем, что я могу многократно увеличить срок. Всего-то пустив упрямую криву по своим знакомым, несомненно, с определенной договоренностью...

Замолчал, дабы я ощутила момент в полной мере, и спросил с издевкой:

– Как считаешь, двадцати пяти лет служения будет достаточно?

И в эту самую минуту я отчетливо поняла, что, не будь у нас с сестрами заботливой тети Элеоноры Рус, ни одна из нас не смогла бы защитить себя ни перед отцом, ни перед будущим мужем. Но слава Всевышнему, она у нас была и научила очень многому, в том числе и умению уверенно держать удар от беспринципного ничтожества.

– Достаточно. Ценю вашу добродетель, – не без сарказма ответила я и с благожелательной улыбкой встретила его прищур: – Но вы, видимо, не понимаете, что значит быть помолвленным с кривой.

О том, что мыслительный процесс в голове барона пошел, говорил его недовольный взгляд и губа, искривленная влево. На скорость его мышления уповать было глупо, пришлось разъяснить до конца.

– Пока я не отработаю срок, вы не имеете права заключать новый договор.

Сэр Норвилл побелел.

– А значит, не сможете пополнить свой источник за счет иной жертвы.

Теперь посерел, сжимая кулаки. Я же степенно сложила руки и лукаво прищурилась.

– И если условия заключения не устроят меня, я перехожу к следующему правообладателю с увеличением срока. – Задумчиво, с вопросительной интонацией: – И что мне стоит превысить устрашающую цифру в двадцать пять лет...

Будь полог совершенно непроницаем, барон Кервас не сдержался бы и ударил. Глаза, мечущие молнии, надсадное дыхание с хрипом и краснота, залившая лицо и шею, свидетельствовали о его крайнем раздражении. Чувство самосохранения взяло верх, и я, смалодушничав, закрыла часы Норвилла.

Глухой полог барона исчез, однако Томаса в рамках приличия это не особо удержало:

– Дура, я предложил достойную сделку! – Его рев заставил поморщиться не только меня, но и судью.

– Вот к дура и обращайтесь.

Сэр Норвилл перешел все дозволенные границы, подобное я прощать была не намерена и отклонила последний полог со словами:

– А я не вашего поля ягода и не понимаю всех обозначенных достоинств... Уж простите, языковой барьер.

В комнате повисло громовое молчание, приправленное капелькой нерешительности и ожидания. В то время как судья прятал улыбку в руках и давился беззвучным смехом, наши защитники удивленно смотрели на сгорающего от ярости барона и спокойную меня.

– Это значит – нет? – пробасил Норвилл, одергивая сюрик и манжеты рубашки.

– Именно так.

– Что ж, это твой выбор...

И вроде бы он произнес это тихо, но прозвучало громом среди ясного неба. Многообещающе, даже слишком.

Он резким движением руки отер губы и, не сходя с места, обратился к судье:

– Мистер Живулони, я отказываюсь от иска о нанесенном ущербе в пользу расторжения договора о помолвке на неясной основе.

– Неясной? – переспросил судья, посчитав, что он ослышался.

Я вопросительно вскинула брови и посмотрела на Томаса, чье лицо приобрело наконец-то нормальный оттенок. Получается, что барон Кервас желает не предавать огласке факт его любовной связи с Марией, моего проникновения в офис и самого договора. Занимательный оборот. И что же послужило этому причиной?

– Неясной, – расплылся в улыбке теперь уже бывший мой жених. – Я обвиняю мисс Ирэн Адаллиер в умышленном введении в заблуждение, трате моего времени и... внимания.

– Подобное не возмещается, – заметил судья, оборвав его на полуслове.

На что я любезно пояснила, что о денежном возмещении речи быть не может:

– Сэру Томасу Норвиллу трудно говорить о материальных тратах, так как их, по сути, не было.

Толстый щеголь пожал плечами и ехидно ответил, глядя исключительно на меня:

– Не склонен преподносить незаслуженное.

Несомненно, это был намек на его времяпрепровождение с мисс Хэмт. Да, после таких отработок стоит не только облагодетельствовать, но и присудить медальку.

– Не склонна поощрять недостойных.

Я выдержала взгляд барона, но меня уже неотвратно закручивало в водоворот отчаянья. Криба – унижительное положение, по закону ограничивающее и подчиняющее воле правообладателя, коим сейчас выступал Томас.

Услышав, как барон Кервас отказывается от меня и увеличивает срок заключения до полугода, подумала, что сейчас самое время впасть в панику. Однако весь ужас ситуации я оценила, как только сэр Норвилл назвал следующего правообладателя. Таковым стал сквайр Никбет Дорос, владелец ледяного озера и омерзительно грязной репутации. Адвокаты син-

хронно сели мимо стульев, судья с жалостью во взгляде принялся готовить документы, а я странным образом воздержалась от обморока. Казалось, он у меня впереди, и не один.

– Какая стойкость, – прокомментировал мою сдержанность бывший жених. – Уверен, мой друг оценит вашу молчаливую выдержку. – И совсем тихо добавил: – Когда возьмет в руки кнут.

Какая низость! И, делая подобный намек, этот бык щеголеватый считает себя джентльменом? Да он даже не мужчина! Я зло прищурилась, ответив:

– Кнут – звучит обнадеживающе. Уверена, он и выглядит лучше, чем ваш... дротик.

Укол ниже пояса. Он не стерпел подобного ответа:

– Ах ты...

Разгневанный рев барона Керваса насторожил судью, напугал меня, повторно уронил мимо стульев едва поднявшихся адвокатов и привлек внимание охраны, стоящей в коридоре. Упирающегося Томаса насилу вывели, и ругающееся эхо еще долго оглашало здание суда неприятными эпитетами в мою сторону.

После вынесения приговора и подписания бумаг мне представили мистера Роджера Донели, поверенного по делам благородных девиц. Ему надлежало сопровождать меня до тех пор, пока между очередным правообладателем и кривой не будет подписан договор отработки, удовлетворяющий обе стороны. Среднего роста, чуть полноватый, с проседью в темно-русой шевелюре, он смотрел на меня сквозь толстые стекла старомодных очков и по-доброму щурился. Этот джентльмен еще не знал, что я не намерена придерживаться сдержанной линии поведения и взбунтуюсь у владельца ледяного озера.

Бунтовать пришлось отчаянно семь раз подряд, и все ради того, чтобы правообладатель нарушил договоренность с Норвиллом и отправил меня к другому человеку. Как знать, быть может, мне повезет, и вместо заученных условий я встречу нормальное трудовое предложение.

Глава 3

И вот теперь, спустя два месяца скитаний, исколесив всю страну и добившись таки изменения в планах барона Керваса, я оказалась у девятого правообладателя.

А всего-то стоило у седьмого с утра пораньше уничтожить коллекцию редких шкур. И заядлый охотник, вопреки договоренности с бароном, отправил крибу не к другу, а к врагу. К счастью, восьмой оказался его соседом через улицу, весьма немногословным и негостеприимным.

На стук дверь открыл сухонький старичок в темно-синей мантии:

– Вам чего? – Он с раздражением смотрел на нас и дергал себя за растрепанную седую бороду. Мой новый правообладатель был лыс, излишне бел даже для северянина и взвинчен. Не дослушав слов поверенного, он махнул рукой, громко брякнув:

– Отказываюсь в пользу племянника.

– Но вы даже... – попытался возмутиться мистер Донели, опустив очки на кончик носа, чтобы посмотреть на собеседника без преград. И его повторно оборвали на полуслове.

– А что, я криб, что ли, не видел?! Видел. За всю жизнь их у меня немерено набралось. Хватит! У меня нет на вас времени. – Сэр Лесски попытался закрыть двери. – Уходите.

– Только после того, как вы напишете в бланках, кому передаете заключенную на отработку и по какой причине.

Поверенный протянул восьмому листы, перо и папку, но тот лишь раздраженно отмахнулся, продолжая тянуть дверь:

– Времени нет. Измените сами имя Давид на Дейр и поищите его в справочнике жителей...

– Жителей города? – спросила я. Видит Всевышний, за последние сутки я смертельно устала, но все еще надеялась на провидение судьбы и ее жалость.

Дверь громко хлопнула, оставив нас с поверенным наедине, и из-за нее послышалось:

– Страны...

Мистер Дейр Лесски оказался жителем столицы, а также практикующим профессором в Академии МагФорм. Не знаю почему, но упоминание главного учебного заведения высшей магии придало мне сил и рвения в достижении цели. Еще три дня в пути на почтовом дилижансе, две ночевки в дешевых гостиницах за полцены в комнатах под крышей – и наконец-то ночная столица.

Ридмейра встретила нас холодными огнями уличных фонарей, ветром и мокрым снегом, время от времени переходящим в дождь. Уставшая и продрогшая, я не заметила, в какой момент энтузиазм, поддерживающий меня в последнюю неделю, перекочевал к мистеру Донели. Не желавший ранее спешить, он предложил встретиться с мистером Лесски немедленно, заказал экипаж, и когда тот на полпути сломался, поверенный сам меня до усадьбы дотащил, а вместе с тем и наши чемоданы.

– У меня хорошее предчувствие, – заявил он, начав стучать в дверь, но стоило мне войти без спроса, так зашипел, чтобы я вернулась:

– Ирэна, вы нарушили границы частного владения!

За время путешествия мы пережили многое, а потому свободно обращались друг к другу по имени.

– Бросьте, Роджер. Как вы заметили, дом не закрыт и охранок не имеет. Вполне возможно, сэр Лесски стар, устал, пьян или крепко спит. Неужели вы хотите до утра стоять на пороге? Входите. Сейчас мы найдем кого-нибудь из прислуги и узнаем...

Фигура, шагнувшая из темноты коридора, напугала до дрожи вначале своим явлением, а затем и веселым голосом:

– И узнаете, что сэр Лесски молод, полон сил и энергии, трезв и бодр!

Вспыхнул свет, и я в ужасе взглянула на мужчину, стоящего передо мной:

– Вы раздеты!

Какой стыд, я закрыла глаза и отвернулась. Неужели хорошее предчувствие пошутило надо мной, заставив сломя голову рваться в столицу? Негодуя на излишнюю наивность, я сжала и разжала кулачки. А в это время неизвестный рассмеялся:

– Я всего-то снял рубашку!

Неправда, возмутилась мысленно, оголен не только торс. И чтобы убедиться в своей правоте, я вновь к нему повернулась. Охальник улыбался, в то время как мои глаза метали молнии. Так и есть, он не только без рубашки, он еще и без штанов, стоит в одном полотенце на бедрах и, судя по прищуре светлых глаз, форменно издевается.

– Что вы себе позволяете? – спросила негодуя.

– Я в своем доме, что хочу, то и позволяю, – парировал мужчина. – А вы, леди, по какому поводу вторглись на мою территорию?

– На вашу? – Мистер Донели наконец-то подал голос и соизволил войти. – Вы Дейр Лесски, практикующий профессор Академии МагФорм?

– Я, – ответил мужчина и покосился в мою сторону. – Не могли бы вы представиться?

– Мисс Ирэн Адаллиер и ее поверенный Роджер Донели, – просиял мой сопровождающий, приближаясь к Лесски и на ходу выуживая из сумки девятый образец бланка, а также договор и чернильницу с пером. – Мы прибыли от вашего дяди по делу...

Новоявленный правообладатель хмыкнул:

– И что мне прислал ученый старикан?

Далее в разговоре я могла не участвовать, отошла к темному окну и с грустью посмотрела на бушующую за ним непогоду. Я была уверена, что выдержу все с гордо поднятой головой, но и помыслить не могла, как трудно придется. Судорожно вздохнув, постаралась отвлечься от жалости к самой себе и перевела взгляд на отражение в стекле.

Всевышний, сейчас моя судьба решится.

– Леди и криба? – Оторвав взгляд от бумаг, профессор, который на профессора отнюдь не похож, очнулся. Он наконец-то соизволил критически посмотреть на свое одеяние и совсем не устыдился, а, наоборот, возмутился удивленно: – В такое время?

Моя жалостливость утихла перед раздражением:

– В такую погоду? По таким дорогам? В таком виде... – тихо перекинула я. Но, поймав в отражении предупреждающий взгляд Роджера, смолкла.

Действительно, к чему ворчать, если я до сих пор не услышала заученных слов из перечня условий, что сэр Норвилл передал своим друзьям: согреть постель, терпеть физические и моральные издевательства, участвовать в опытах, отдать энергию дара и позволить на себя охотиться. Складывалось ощущение, что Томас таким образом готовил меня к жизни баронессы Кервас, мучил дальними переездами, добиваясь отчаяния и покорности перед неотвратимым будущим с ним.

Что ж, каким бы ни было решение девятого правообладателя, я встречу его спокойно. То есть стараюсь не смотреть на голый торс и ноги профессора и не настаивая на том, чтобы он облачил себя хоть... в халат. Неожиданно возникло желание в очередной раз взбунтоваться и навредить правообладателю. С трудом подавила его в зародыше и, потупившись, подошла к мужчинам, отчаянно стараюсь смотреть на пол, а не на голые мужские ноги с чуть выпирающей косточкой, длинными пальцами и волосатым покровом, начинающимся от щиколотки.

О Всевышний!

Я отвернулась, как только взгляд зацепился за полотенце, скрывающее мужское бедро. Послышался сдавленный хмык, но я решительно не обратила на него внимания.

После долгого чтения устава и длительного созерцания меня, стоящей вполборота, профессор Лесски поделился своими соображениями вслух.

– Такую... в постель не возьму. – И неожиданно улыбнулся: – Будет служкой!

Я замерла, не веря.

– Служкой? – Поверенный тоже не поверил в нашу удачу и удивленно воззрился на получателя: – Это решение окончательное? Больше никаких услуг не потребуете? Может быть, хотите что-то уточнить?

– Нет, – мотнул головой сэр Лесски. – Она убираться будет, помогать с покупками, возможно, ассистировать в лаборатории. А в крайнем случае, – он хмыкнул вновь, – если понадобится помощь по мелочи, я договорюсь лично с мисс Адаллиер.

Мой сопровождающий закивал, как попугай, повторяя:

– Да-да, конечно-конечно! Да-да... – а взгляд направлен отнюдь не на профессора в полотенце, а на меня, и он словно бы кричит: «Ирэн, соглашайтесь!»

Девятый правообладатель, понаблюдав за поверенным, с улыбкой обратился ко мне:

– Что скажете? Согласны?

– Да... конечно, да! – воскликнул сэр Донели, размашистым росчерком визируя договор кривы.

А я смогла лишь кивнуть. Неужели все завершилось и мне более не нужно никуда ехать, выслушивать похабные намеки и предложения интимного характера? Не верится.

– Если согласие ваше получено, подпись моя внесена, – хозяин дома расписался на бумаге и передал перо мне, – дело осталось за вами. Расписывайтесь, располагайтесь в гостевых и... – следующее он выдохнул с едва различимой мольбой, – наконец-то освободите мой холл.

– Сиюсекундно! – охотно согласился поверенный, помогая все еще удивленной мне поставить фамильный росчерк напротив имени кривы. – Только укажите, куда идти.

– Сейчас... – Профессор потер затылок, что-то тихо произнес и щелкнул пальцами. Где-то в глубине дома рокотом прозвучало: «Ганс!»

– Таким кличем можно разбудить не только прислугу, но и всю округу, – заметил Донели, снимая промокшее пальто и котелок. – Не бойтесь, что на вас подадут в суд?

– Звук не распространяется за пределы дома и разбудит только дворецкого.

Я принялась развязывать шарф и дрогнула, услышав в непростительной близости вновь повеселевший голос правообладателя:

– Ночная побудка его немного расстроит, но только и всего.

Профессор галантно помог мне снять плащ и щелчком пальцев отправил его по воздуху в соседнюю комнату, предположительно к камину. Выходит, он воздушник, и очень сильный. Как замечательно, мне будет чему поучиться!

– Спасибо.

Снова отвела взгляд, дабы не напороться на голую мужскую грудь, покрытую темным курчавым волосом... О Всевышний! Когда же он оденется? Потупилась, услышав новый хмык, и, чтобы не встретиться с насмешливым взглядом девятого, посмотрела в сторону коридора. Там у стены на столике стояли бокалы и непочатая бутылка.

Видимо, сэр Лесски следил за мной, поэтому от него тут же донеслось:

– Вина?

– Нет, благодарю. А вы в такую погоду все еще кого-то ждете?

– Ну... – кажется, он опять потянулся к затылку рукой, – несмотря на размытые дороги, вас-то мне судьба принесла. – И вновь усмешка, на этот раз приправленная перцем: – О чем, надеюсь, я не пожалею...

Неожиданно и одновременно внезапно рядом с нами из воздуха соткался высокий дворецкий с отрешенным, будто бы окаменевшим выражением лица, и холл огласил отнюдь не деликатный стук в дверь.

– К вам пришли! – загробным тоном сообщил Ганс, взирая на меня чарующими черными глазами.

От его голоса я поежилась, Роджер поспешил оказаться рядом, а профессор в предвкушении потер руки, словно бы только этого визита и ждал.

– Знаю, – ответил Лесски и направился к двери. – С гостями разберись! И... – Он обернулся на мгновение, чтобы сказать: – Ирэна, я жду вас завтра в девять в своем кабинете.

Кивнула.

– И зови меня Дейр.

Кивнула вновь, но на этот раз от удивления чуточку помедлив. На что девятый подмигнул:

– А теперь кыш!

Глава 4

Утро наступило неожиданно быстро не только для меня, но и для сэра Лесски. Я, еле проснувшись, собравшаяся и голодная, обнаружила его в кабинете ровно в девять, как и было сказано. Однако мой правообладатель к встрече был не готов. Во-первых, в воздухе витал запах алкоголя и пряных духов; во-вторых, тут и там валялись предметы одежды, и не только мужской; а в-третьих, учинитель беспорядка спал здесь же, на узкой кушетке, в обнимку с маленькой подушкой. Всклопоченный, небритый, с темными кругами у глаз, он был чуть более одет, чем вчера. Все же брюки для верховой езды смотрелись приличнее короткого полотенца, хотя и не были нормально застегнуты. Профессор лежал неестественно вывернувшись и выгнув спину. Возможно, из-за узости кушетки, а, может быть, еще и потому, что за ночь несколько раз с ложа падал. О чем говорили красные отметины на шее, груди и внушительный синяк на лбу.

– Что вы здесь... делаете? – Хриплый спросонья голос оторвал меня от осмотра странных затемнений на его шее. Вроде бы и синяки, и в то же время какие-то они расплывчатые.

Я резко выпрямилась и отступила, с трудом не скатившись до смущенного писка.

– Жду, когда вы проснетесь.

– Зачем? – Настороженный взгляд на двери, по обстановке вокруг, затем на меня.

– Чтобы обсудить организационные детали, касающиеся моей... должности. – Нахмурился, и я поспешила сказать: – Надеюсь, вы помните вчерашний вечер. Вернее, ночь...

Нет, смотреть на него, такого раздетого, было выше моих сил. Я прошлась по комнате и, отыскав рубашку среди разбросанных вещей, протянула ее девятому.

– Учтите, мистер Донели уехал спозаранку и договор забрал с собой.

А про себя добавила, что он сбежал через окно, забыв застелить кровать, закрыть створки, позавтракать и предупредить меня о причине побега. Вариантов, объясняющих его поведение, было два: он испугался либо меня, либо Лесски. А может быть, нас обоих?

– Криба... – Профессор сел на кушетке, но рубашку не взял. Со страдальческим видом схватился за голову: – Уж лучше бы я не помнил, что было вчера.

Я удивленно выдохнула. В другое время состояние мужчины мне было бы понятно, но сейчас, после ночи раздумий и волнений, а затем тяжелого пробуждения в логическом мышлении мне было отказано:

– Да как вы смеете? Вы же дали согласие и договор подписали фамильным росчерком! Самостоятельно, без принуждения... – Последнее подчеркнула. – Это было ваше решение, и за него нужно отвечать.

– Да? – Он тихо хохотнул и потер затылок, глуповатым тоном соглашаясь со мной: – Тогда ладно. Тогда... если дал, сдержу. – И прохрипел в просительном тоне: – Воды принесите.

– Что? – Готовая бороться за свое право находиться в этом доме и работать честным трудом, я не ожидала, что от Лесски последует просьба.

– Вы служба, а я воды хочу. – Он медленным движением убрал одну руку от головы и указал на горло. – Принесите, будьте добры. Першит...

– А...

Смущенная собственной непонятливостью, я выскочила в коридор и отправилась на поиски кухни. Звать Ганса или другую прислугу на помощь не захотела. И сама могу позаботиться о Лесски, даже если сгораю со стыда и желаю загладить свою оплошность. В кабинет я принесла кувшин с водой, а также состав от похмелья, приготовленный на скорую руку. Благодаря папеньке я знала таких четыре и смешала тот, ингредиенты которого нашла в кладовой. Войдя, застала девятого в процессе одевания или, скорее, осмысления, почему рубашка, рукава которой он уже порвал, лопнула еще и на спине. Я виновато прикусила губу, потому что на плечах мужчины висел женский атрибут.

– Снимайте...

– Не мой размер?

– Фасон также не ваш. – Поставив поднос на столик, взяла кувшин, чтобы налить воды в стакан, но уронила его, услышав хриплое:

– Жаль, ткань приятно льнет к телу...

Грохот, звон, звук воды, стекающей со столика на пол, а сверху слышится шутливо-грозное:

– Вычту из жалованья.

Недоверчиво покосилась на девятого, стараясь понять, в своем ли он уме.

– Сэр Лесски, я криба, абсолютно бесплатная служба.

– Значит, рассчитываться будете иначе, – хмыкнул он и, не давая мне напомнить о договоре, попросил: – Принесите мою одежду из спальни и, если можно, белье. В голове раздрай, не могу...

– Подняться по лестнице? – спросила участливо, совсем позабыв о том, что леди не пристало рыться в чужом мужском белье, да и в мужнином можно лишь при необходимости.

– Составить подходящий рабочий образ, – с зевком ответил профессор и потянулся к средству от похмелья. – Выберите что-нибудь без ярких расцветок и кружавчиков, не на прием иду, а на работу.

– И это мне говорит ценитель женских вещиц с кружевом?

И вроде бы сказала тихо, на подходе к двери, а он услышал, поперхнулся приготовленным мною составом и, кашляя, сорвал с плеч последние лоскуты рубашки. Из кабинета я вылетела стремительно и чуть ли не сшибла с ног гостью, решившую деликатно постучаться в дверь. На мгновение мы замерли, я растерянная и явно красная от смущения, она бледная, с занесенной для стука рукой.

Повисшее молчание прервал голос потрясенно вопрошающего профессора:

– Даная?! Откуда у тебя ключи?

Гордая красавица в черном пальто, изящно подчеркивающим стройную фигуру и достаток одновременно, метнула на меня уничтожающий взгляд и зло прищурилась. Ее синие глаза кровожадно блеснули при виде обнаженного торса Лесски, и она воинственно вскинула руку. На повторный вопрос о том, как ей удалось проникнуть в дом, гостья не ответила. Но, рассмотрев царивший здесь кавардак, стала значительно бледнее. А затем в ее руке образовался рыжий сгусток огненной магии, явно несущей беспощадную смерть.

– И ты меня променял... на нее?!

Я попятилась, с удивлением понимая, что меня ошибочно приняли за новую любовницу профессора. А самое удивительное то, что мстить ему бывшая была не намерена, она нацелилась на меня. И совершенно не замечала того, что я, в отличие от мужчины, одета, причесана и не мучаюсь похмельем.

– Меня! На это...

– Даная, остынь, – прочистив горло, приказал профессор. – Ты ошибаешься. – И не нашел ничего лучше, чем назидательным тоном сообщить: – Это во-первых. А во-вторых, для твоей ревности нет причин, мы разошлись.

– Нет! Это ты... ушел, мерзавец! Со словами: «Надоело». Это я тебе надоела? Я!

– Твои скандалы, – уточнил Дейр Лесски и совершил фатальную ошибку в общении с разъяренной женщиной. – Твои... истерики, вспышки, обвинения, твоя ревность...

– Что?! Истерики?

– Именно они, по поводу и без повода. – Профессор нагнулся и, подобрав на этот раз свою рубашку, начал ее надевать. – А впрочем, можно сказать, что я устал и от тебя...

Он подошел к зеркалу и, пригладив кое-как вихры, попросил меня:

– Ирэна, проводите гостью.

Лесски самоубийца, поняла я, как только он повернулся спиной к бывшей подруге, не заметив, как та увеличила огненный шар в своей руке. Всего на мгновение я представила, что будет со мной, умри сейчас девятый, и с перепуга призвала стихию.

Огорошить, ошеломить, отвлечь – вот лучшая защита от взбешенного мага, вспомнила я сведения из курса самообороны и начала действовать. Вздернуть на огневичке пальто и нацепить на ее руку старинную вазу получилось интуитивно и бессознательно. И, уже узрев плод своих манипуляций, я в испуге одним взмахом руки отправила гостью на улицу. Даная пролетела через холл, сметая все на своем пути, и застыла по колено в снегу в двадцати метрах от дома... у дороги. Такой смелости я сама от себя не ожидала, а она и предположить не могла. Потрясая вазой, бывшая профессорская подруга отчаянно ругалась и пыталась выпутаться из «капкана» с меховым воротником.

Я могла бы похвалить себя, но не осмелилась. На девушке не было приличествующего леди платья, только фривольное белье с прорезями где не надо, и по моей вине она оказалась с задранным вверх пальто под взглядами возницы и прохожих.

О Всевышний!

Сдавленно охнув, я поспешила ей на выручку, выскочила из кабинета, пересекла холл... Как вдруг на пороге раздался восхищенный свист, и невесть откуда объявившийся дворецкий закрыл входные двери прямо передо мной.

– Но... – Я посмотрела с укором на Ганса.

– Тш-ш-ш! – ответил он и подмигнул.

В это мгновение к нам вышел удивленный профессор:

– Она уже ушла?

Застегивая манжеты, девятый не видел, какими взглядами мы с дворецким обменялись. Я настаивала на том, чтобы он открыл дверь, а Ганс отвечал, что сие невозможно и, более того, глупо. Даже пальцами у виска покрутил, а затем запоздало ответил хозяину дома:

– Я предположил, что гостья не задержится надолго, и придержал экипаж леди. Не переживайте... – Теперь он скосил взгляд на меня, бесстрастно заявляя следующее: – Она доберется к дому в целости и сохранности.

– Сгорая от стыда, – добавила обреченно, потому что на улице свист и улюлюканья многократно усилились.

Стоя у двери, мне это было хорошо слышно, а потому и совестно втроене. Я хмуро взглянула на Ганса, и он опять использовал свое предупреждающее и какое-то хулиганское «Тш-ш-ш!». А с виду сдержанный джентльмен с армейской выправкой и волевым лицом, подтянутый несмотря на крупность, высокий, сильный, быстрый. Мощный, одним словом. На вид ему около тридцати семи или тридцати девяти. Такой, по сути, должен быть главой большой семьи, примерным гражданином и верным супругом. Но что-то подсказало мне – он холост и этим гордится.

Из раздумий меня вырвал счастливый вздох Лесски.

– Это был, пожалуй, самый короткий визит Данаи. – Профессор беззаботно улыбнулся: – Даже не верится! Обычно что-нибудь да... отвлекало.

Дворецкий хмыкнул точь-в-точь как хмыкал вчера хозяин дома, они переглянулись и, судя по мелькнувшим улыбкам, поняли друг друга с полуслова.

Н-да! Видимо, ранее она находила повод остаться. А теперь вопрос: то, что профессор не видел ее нижнего одеяния, это хорошо или плохо? Взглянула на Ганса, опять застывшего с каменным выражением лица, и решила не признаваться в своей шалости девятому.

– Ирэн, благодарю за расторопность. – Правообладатель посмотрел на часы и нахмурился: – А теперь так же быстро одежду мою принесите.

– А может... – наклоном головы ненавязчиво указала на Ганса, но меня мягко перебили фразой: «Нет, лучше вы».

Чем лучше, я поняла, оказавшись у нужной двери...

Хозяйская спальня более походила не на комнату для сна и отдыха, а на поле для кровопролитного побоища. Все уцелевшие поверхности и пол усыпали обрывки тканей, обломки мебели, осколки старинного зеркала и цветных стекол витража, клочки книжных страниц и лепестки цветов. Роза? Я недоуменно посмотрела на остатки природного чуда, безвинно павшего от рук разрушителей, и прикусила губу. А мне розы еще никто не дарил.

Мой внутренний завистливый вздох кто-то скопировал извне, но сделал это протяжно и сонно, а затем еще и позвал томным голосом:

– Дейр?

Обнаженную, ничем не прикрытую женщину я увидела не сразу. Она лежала среди шкур и простыней на полу у изножья раскуроченной кровати, вяло терла глаза и звала девятого:

– Дейр, где ты...

Странно, хотя голосок у особы и звучал нежно, связываться с ней совершенно не хотелось. И причиной тому стало мое интуитивное чутье, уничтоженная обстановка спальни и двое взрослых мужчин, не пожелавших подняться сюда. Я сделала осторожный шаг назад, но осколки стекла закричали, выдавая мое движение.

– Ты тут? – позвала ночная гостья, поднявшись на локтях и потряхнув медными волосами. Она, как кошка, прогнулась в спине и произнесла тише: – Отзовись, иначе найду...

Звучало это весьма многообещающе, а выглядело и того разнузданнее, особенно сзади. Зажмурившись, я шагнула за дверь спальни, но закрыть ее не успела и была окликнута из коридора:

– Ирэна?

Оказывается, профессор не соизволил ждать свои вещи внизу, поднялся вместе со мной на верхний этаж, а теперь выглядывал из-за поворота лестницы, спрашивая шепотом:

– Что стряслось?

– Мм-м... леди зовет вас. – На языке вертелось иное определение для дамы, но я поостереглась произносить хлесткое слово в сторону неизвестной.

– Проклятый Всенижний! – ругнулся Лесски. – Вам ничего не удалось взять?

– Как видите, – ответила также шепотом и развела руками.

– Дейр! – раздалось совсем близко от двери требовательным голосом.

Удивительно, но, заметив, с каким лицом скрылся профессор, я, вопреки всем здравым смыслам, сама испугалась и побежала за ним. Пролет, площадка, пролет... Свернуть за второй лестничный поворот не успела, меня схватили за локоть и грубо впихнули в нишу с мраморным амуром. Тяжелая красная штора отрезала путь к отступлению и погрузила уютное местечко для поцелуев в непроглядную темноту. С перепугу громко прошептала срывающимся от бега голосом:

– Кто здесь?

– Тш-ш-ш! – раздалось знакомое в ответ. И я с трудом различила внушительную мужскую фигуру, притаившуюся в правом углу глубокой ниши.

– Ганс, что здесь происходит?

– Осознание неприятностей.

– Каких... неприятностей? – прошептала едва слышно, потому что в спальне наверху раздалось еще более надрывное: «Дейр!»

– Больших, – охотно пояснил дворецкий. – Наш профессор понял наконец, что с метал-листами лучше не связываться.

– И раньше знал! – фыркнув, ответили ему из другого угла. – Просто не удержался...

– На экзотику потянуло? – ехидно спросил Ганс.

– Скажи еще, что ты бы удержался от возможности ее хорошенько...

Я не вслушивалась в их горячий спор и, стараясь понять ситуацию, едва дышала. Получается, что та обнаженная бесстыд... кхм, леди, – металлист! Их же невообразимо мало в нашей стране, вернее сказать – их всего двое. Первая – супруга правителя Эвангелина Шаос, а вторая – ее троюродная сестра Эвения Ритшао. Так получается, я только что видела почти королевский вид сзади?

Из размышлений меня вывел раздраженный голос девятого:

– Ирэна, вы должны ее проводить!

– Подождите. – Я не обратила внимания на его требование, занятая куда более интересным вопросом. – Как вы могли связаться с металлисткой? Вы же воздушник!

– Стихийник, – учтиво сообщил Ганс, и я, оторопев, посмотрела в сторону правообладателя кривы в моем лице.

– Что?

В спальне, где все уже было раскурочено, что-то еще с грохотом разбилось. И все трое мы поежились, когда вслед за грохотом раздался протяжный скрип.

– Ну да, стихийник. Да, обладаю всеми шестью потоками. И да, легко контактирую с магией одаренных любого уровня, – раздраженно шипел он и явно хотел потереть затылок, потянулся и в последний момент оборвал движение. – Но не это главное...

– Как не главное? – выдохнула я пораженно. – Вы... стихийник! Это немыслимо. Такая удача повстречать вас и...

– Ну и что... Ганс вообще огневик четвертого уровня. Но и это сейчас неважно!

– Почему?

Я пораженно обернулась к дворецкому, а профессор ответил невпопад и очень строго:

– Потому что вы должны ее вывести, Ирэна. И немедленно.

– Нет. Почему огневик четвертого уровня работает на вас?

И в это мгновение наверху раздалось призывное:

– Дейр! Где ты?! Отзовись. Иначе я пойду тебя искать...

Правообладатель застонал протяжно и отчаянно, словно бы мраморный младенец стрелой пронзил его сердце:

– Ганс, объясни ты ей... и давайте уже разберемся с гостьей. Право слово, я опаздываю.

На причитания первостатейного любителя экзотов я не обратила внимания, всецело сконцентрировавшись на темной фигуре дворецкого. Маг огневик четвертого уровня – и слуга? Немыслимо! Огневики, они же гордые, отчаянные натуры, непримиримые борцы за свободу и власть.

– Все просто, – ответил Ганс, неожиданно одарив меня чарующей улыбкой, – не одна вы сбегаете из-под венца, дорогая. А теперь, – он с поклоном указал на выход из ниши, – не соблаговолите ли вы проводить мисс Эвению Ритшао к входной двери?

– Уж лучше за пределы дома. И в сжатые сроки. Максимум минуты три, – настоятельно рекомендовал Лесски.

– А почему бы вам, профессор, не подняться наверх и...

– Ирэн, еще одно ее поползновение может стать фатальным для меня, мой резерв энергии высосан досуха!

– Однако процессом вы остались более чем довольны, – широко улыбнулся ему Ганс и тут же получил тычок под ребра:

– Молчи, иначе тебя пошлю!

Неожиданно совсем близко раздалось:

– Дейр! Я уже вышла на охоту...

И мужчины синхронно вжались в угол, не дыша и, кажется, зажмурившись. Легкие шаги спустились по лестнице вниз, и женский вздох со смешком раздался в холле:

– От меня не спрячешься, дорогой. И магию не сдерживай, не поможет!

– Настоящая... – протянула я тихо.

– Чаровница, – выдохнули мужчины, отлепившись от стены.

– Маньячка! – Они со мной не согласились. Видимо, леди и ее очарование пришли им по вкусу, но не настолько, чтобы выйти из ниши. – Так вы отправляете меня одну?

– Не пугайтесь, женщинами она не питается, – снисходительно сообщил девятый, что-то стряхнув с рукава рубашки и оправив манжеты.

– Отрадно слышать... – заметила я, не скрывая скепсиса.

– А вы не слушайте и тут не стойте, – прорычал он, все больше раздражаясь. – И сделайте уже хоть что-то... Что-то... Да что угодно!

– Хорошо. Но учтите, вы сами дали мне карт-бланш. – И я обернулась к дворецкому, приказав: – Подожгите на мне платье и все, что встретится по ходу моего движения. Только пусть горит, не сжигая... Думаю, как огневик четвертого уровня, вы сможете сдерживать пламя хотя бы минуты три.

– Зачем? – удивились мужчины.

– Чтобы была настоящая паника, а не фарс.

Оба с сомнением взглянули на меня, кажется, даже мраморный амур смотрел с укором, но стоило Эвении прошептать совсем близко: «Дейр, ты здесь?», как меня подожгли, причем оба.

* * *

– Пожар! – Я выскочила из ниши на полураздетую леди королевской крови с криком: – Пожар!

– Спаси-и-и-ите... – завопила она, шарахнувшись в сторону.

А сзади уже загоралась штора, отрезающая от «представления» двух трусливых мужчин и одного каменного стрелка с крыльями. Ковер загорелся под моими ногами, и языки пламени быстро сместились в сторону ночной гостыи.

– Горю! – заголосила я, стараясь стряхнуть огонь с юбки, и на мгновение испугалась, что пламя действительно пожирает материю, отчего мой следующий крик был еще более устрашающим:

– Помогите, горю-ю-ю!

Вот после этого вопля металлистка вышла из оцепенения и побежала вверх:

– Спаси-и-и-ите... – визг, не иначе, и правильно, ведь я бегу сзади нее, всего на две ступеньки отставая.

Она влетела на третий этаж, я за ней. Она забежала в хозяйскую спальню, я следом. Она ринулась прятаться в ванную, я же заскочила в гардероб. А сзади – в коридоре, на лестнице и в спальне – уже полыхало пожарище. Ганс не экономил свои силы, а выплескивал их мощными волнами. И огонь получился горячий, трескучий, с палящим жаром и дымом, который поднимается вверх плотными клубами, заполняя все пространство под потолком.

– А-а-а... А-а-а! – неподобающе визжу я, перерывая гардероб профессора в поисках одежды и белья строгих расцветок и без кружавчиков. Языки желтого пламени уже танцуют на рубашках и носках, чувствуется запах гари, и дышать становится нечем. А фарсом здесь уже не пахнет, скорее будущим пепелищем. И без слов ясно: если Ганс хоть чуть-чуть соврал относительно энергетического уровня своего дара, то очень скоро девятому придется справлять новоселье в другом районе города.

Спешно собрав все указанное правообладателем, я вылетела из гардеробной с криком:

– Хозяин?!

Рассчитывала, что, услышав мой зов, новая подруга профессора покинет свое убежище. Но не тут-то было, со стороны ванной послышался отчаянный женский скулеж, да простит Всевышний мое предубеждение к этой особе.

– Хозяин, проснитесь! – воскликнула я, словно бы обнаружила Лесски только что в коридоре. И вот тут сюрпризом стал щелчок металлического замка в запираемой в ванной двери. Интересно получается. В панике металлистка в поисках защиты к девятому не кинулась, а заперлась, услышав о его бессознательном состоянии. Очень интересно. Выходит, о полном истощении резерва Лесски она знает, но вины за собой вовсе не чувствует. Хладнокровная... не-леди!

Я прибежала к нише на лестнице, передала заждавшемуся стихийнику одежду и поинтересовалась, куда умчался Ганс.

– В горящих каминах дымоходы перекрывает для правдоподобности. Запах гари чувствуете?

– Еще как... Хорошо сработано.

От такого сообщения даже вздохнула свободнее, все-таки дворецкий свой уровень энергии не преувеличил, теперь можно не сомневаться в том, что ночная гостья в пожар поверила. И осталось решить лишь один небольшой вопрос. Как освободить ванную в покоях профессора? Я посмотрела на него с прищуром, спросив:

– А не подскажете, чего леди боится?

– Огласки, – ответил Лесски, срывая с себя несвежую рубашку. – Ее она боится больше, чем пожара.

– Спасибо! – И я умчалась наверх, уже точно зная, как поступлю.

Стучаться голыми руками в дверь, неожиданно покрывшуюся металлической чешуей, было боязно, поэтому воспользовалась кочергой.

– Леди! Леди-и-и, выходите немедленно, сюда едут пожарные... – Из ванной ни звука. Быстро смекнула, что только из-за спасателей она оттуда не выйдет, и заголосила громче: – А с ними пресса и маги из патруля НВН!

Не зря я упомянула службу Несанкционированных Всплесков и Нападений. Их сотрудники не ходят по комнатам с просьбой: «Откройте, пожалуйста», а сразу вышибают двери и спасают людей. Далее идет лечение, допрос, составление протоколов, задержание или суд, и почти все это на глазах у кровожадной прессы. Если верить моим словам, для металлистки королевских кровей ситуация складывается не из приятных. И я даже аббревиатуру не успела озвучить, а дверь уже распахнулась.

– Кто-кто едет? – В ванной Эвения облачилась в длинный халат и теперь нервно теребила его отвороты. – Служба НВН?

– Да.

Но вопреки моим ожиданиям, она, бледнея, смотрела на горящую комнату за моей спиной и не двигалась с места. А время бежит!

– Не волнуйтесь. На заднем дворе есть карета, никто вас не заме...

Моих слов она уже не слышала, с места сорвалась, побежала не разбирая дороги. Ни огромного «спасибо», ни короткого «пожалуйста», она обошла даже без «Где Дейр? Жив ли он? Здоров ли?». Истинная леди королевской крови вспомнила лишь о том, как дорога ей эта самая кровь. А я поняла, как сложно быть всепрощающей, и раз уж я отдаю Эвении профессорский экипаж, то халат вправе оставить девятому. По мановению моих пальцев воздушные потоки перенесли огонь с лестницы на полы халата и быстро распространили его по темным нитям и золотым рисункам.

Далее последовали писк, визг, судорожное разоблачение из горящего халата, поиски сапог и шубы, на удивление, завершившиеся скоро и удачно, хлопок дверей и ржание убегающих лошадей.

Когда экипаж уехал, я легко сбила с платья последние язычки пламени и громко сообщила:

– Ганс, пора гасить!

И бушующий огонь замер, игриво загибая золотисто-рыжие язычки и издавая протяжное: «Ву-у-у-у-у-р!» А затем, вздохнув печально, пламя нерешительно поползло со стен по деревянному полу к моим ногам, все уменьшаясь и уменьшаясь. Огненное кольцо стало тоньше кружевной ленты, всколыхнулось у самого подола платья, обиженно вякнув: «Пфя!», и бесследно исчезло.

– Уже ушла? – вторично за это утро удивился девятый, спускаясь по лестнице. Он небрежным движением поправил шейный платок, и без того идеально повязанный. Профессор в пиджаке цвета темной стали, белой рубашке, темно-бордовом жилете, черных брюках и черных сапогах, смотрелся чуть дерзко и в то же время строго. И я в который раз подумала о том, что у меня прекрасный вкус.

– Да, – ответила я.

– Так быстро?

– Да.

– И опять в одной лишь шубе. – Неуловимый дворецкий бесшумно оказался рядом со мной и прищурился, ехидно прошептав: – Не стыдно?

– Отнюдь. Эта пакость заслуженная, и вы участвовали в ней как сообщник.

Я кинула взгляд на бесстрастное лицо Ганса, и уголки его губ дрогнули.

– О чем шепчемся? – Профессор подошел с улыбкой.

– Ваш экипаж угнали! – Почти правда, но рядом со мною все равно раздался наглый хмык.

– И кто это был? – не понял Лесски.

– Кто-то с аппетитно большой и голой... – начал говорить дворецкий, абсолютно спокойным голосом абсолютно неприемлемые детали.

– Совестью, – закончила я фразу за якобы сдержанного огневика. – Несомненно, экипаж вам вернут. – И менее уверенно: – Надеюсь.

Просительно посмотрела на Ганса. Он взгляд мой понял, хохотнул и исчез со словами: «Сейчас все решу».

И я, посчитав свою миссию выполненной и извинившись, удалилась на кухню. Завтрак еще никто не отменял.

Глава 5

Дом сэра Лесски оказался большим и вовсе не старым. Пять спальных комнат с ванными, три гостевые с одной умывальней, кухня, столовая, холл, кабинет и смежная с ним библиотека. Последняя была двухэтажной, и, если я не ошибаюсь, верхняя ее дверь вела в хозяйский гардероб. Все это я осмотрела в поисках кухни, которая на удивление удобно расположилась не на первом этаже, а в подвале. Вторая дверь из нее выходила на небольшую площадку, с которой хорошо просматривался задний двор и крошечный благоустроенный садик, а дальше виднелся темный лес и белые холмы. Снежно и красиво.

Я смотрела вдаль, с трудом представляя, каким образом дверь из подвала вывела меня на поверхность.

– Здесь, наверное, склон, – задумчиво прошептала вслух. – И часть дома стоит на его возвышении, а часть на его подножке...

– Именно так. Желаете позавтракать, Ирэна? – Тихо подобравшийся дворецкий с прищуром смотрел на меня.

И как ему это удастся? Лицо словно маска, без эмоций, а голос несет удивительное многообразие оттенков и тонов. Улыбнулась:

– Да, благодарю.

– Одну секунду, сейчас накрою.

Приятное обращение. И, созерцая снежные холмы и темные вершины деревьев, я запоздало вспомнила, что не являюсь гостьей в доме профессора. Служка не госпожа. Быстро закрыла двери и вернулась на кухню, обратившись к огневику:

– Ганс, я помогу.

– Не стоит. После того, что вы проделали, я в неоплатном долгу перед вами.

С виду мощный и тяжелый, дворецкий порхал по кухне как мотылек, не задевая громоздких чанов, кастрюль и сковородок, что грелись на плите. Он споро выложил на тарелки жаркое, кашу, жареное мясо и яблочный пирог, нарезал фрукты и аккуратно разложил их на блюде.

Я с удивлением смотрела на его уверенные движения, не веря, что наблюдаю за мужчиной.

– К тому же у матушки Агафьи крайне ревностное отношение к кухне и кладовой, она не любит, когда к ее кастрюлям прикасается чужой.

– У нее прекрасное чутье на чужаков?

– Я бы сказал – нюх, и весьма посредственный для оборотня. Но для готовки изысканных вкусовостей его хватает. – Произнеся это, он залил фрукты карамелью и выудил из кладовой мороженое в деревянном ведерке.

И не успела я подробнее разузнать об оборотне, как удивилась другому обстоятельству:

– Мне чудится, или это действительно лакомство королевского двора? – К слову, очень изысканное и дорогое и оттого известное простому населению лишь по магическим слайдам в газетах.

– Да, оно, – подтвердил дворецкий с серьезным лицом, а в голосе слышалась улыбка: – Господа были слишком заняты вчера, поэтому мы съедим его сегодня.

– Ганс, но разве... разве профессор и повариха не хватятся?

Услышав мой вопрос, он неожиданно улыбнулся, от чего черты его лица вдруг приобрели живость, а в глазах полыхнуло пламя. Это было как вспышка молнии на грозовом небе, дворецкий стал чрезвычайно красивым. Притягательным, потрясающим. Улыбайся он чуть дольше, я бы потеряла покой.

– Что вы, Ирэна. – Укоризненно покачав головой, Ганс вновь стал сдержанным джентльменом с каменным выражением лица.

А быть может, его улыбка мне просто почудилась?

Я повела плечами, сбрасывая оцепенение:

– Имеется в виду, что это баснословно дорогое лакомство и статус слуг не позволяет нам его расходовать...

– Дорогая наша служба, – улыбка огневика вновь мелькнула, просяив. Я улыбнулась в ответ, и он со смешком вкрадчиво продолжил: – Вы себе и представить не можете, насколько устои этого дома отличаются от прочих. Дейр Лесски – стихийник и по сути своей редкая личность, которая ищет столь же редкое окружение. Фактически же его постоянно тянет на экзотов. И, думаю, вы понимаете, о чем я говорю.

Веселый взгляд дворецкого заставил вспомнить металлистку и ее большую голую... совесть.

– Так к чему я веду. – Ганс ложкой выкладывал мороженое поверх фруктов, не забывая посыпать его сладко пахнущей белой стружкой. – В доме профессора работают: камердинер-василиск, повариха-оборотень, две горничные-вампириши, кучер... он простой человек с интересной судьбой, конюх гном, а дворецкий огневик.

По мере объяснений мое удивление росло в геометрической прогрессии:

– Как такое разнообразие рас уживается под одной крышей?

– Все просто, здесь нет слуг и господина. – Ганс заварил ароматный чай и достал чашки с блюдами. – Мы равны и просто работаем. А теперь к нам примкнули вы, и, надо сказать, очень вовремя.

– Почему вовремя?

– Профессор отбыл на три недели, а в доме должен быть хоть кто-то.

– Вы оставляете здесь одну меня?

– Ну... для исполнения своих обязанностей служащие будут здесь появляться день ото дня, но, в принципе, да. Весь дом будет в полном вашем распоряжении. Едой вас обеспечат, насчет охраны не волнуйтесь, если кто и ворвется, то он получит сполна...

– Как мисс... Даная этим утром? – прищурилась негодуя.

– Она вошла случайно, – отмахнулся дворецкий и, прихватив поднос, вышел из кухни. Я следом за ним.

– Допустим. Но у нее были ключи...

– Ирэна, каюсь, – вздохнул огневик, – ее нечаянно впустил я. – И он тут же дал обещание: – Подобное более не повторится.

– Буду надеяться.

Ганс накрыл в столовой, идеально оформил маленький круглый столик, украсил его букетом из огненных язычков, разложил приборы, тарелки и, выдвинув стул, помог мне сесть. Мы завтракали в тишине, каждый думая о своем. И лишь взявшись за мороженое, я словно бы очнулась от забытья:

– Ганс, а что мне все это время делать?

– На ваш счет распоряжений не поступило.

– Значит ли это, что я могу занять сама себя и найти подходящую работу?

– Вполне. – Он посмотрел на меня и произнес с хитрецей: – Только не переусердствуйте. После сегодняшнего утра я даже не представляю, с чем еще вам придется столкнуться.

Недоуменно воззрилась на мужчину и даже забыла о королевской сладости – мороженом.

– Но вы все воспринимали так спокойно, что я, право, решила, будто бы это утро ничем не отличается от других.

И вновь улыбка-молния мелькнула на его лице, чтобы бесследно скрыться.

– Хвала Всевышнему, это первое такое за двенадцать с лишним лет!

* * *

После завтрака Ганс все самостоятельно собрал, помыл, заодно показав, что и где должно лежать на кухне и в кладовой, а затем отбыл. Я быстро разложила свои вещи в комнате, написала сестрам и отправила послание по домашней магпочте из все еще не убранного кабинета профессора, затем нашла библиотеку и большую часть дня провела за просмотром имеющихся в доме изданий. Выбор оказался колоссальным, в большинстве своем развлекательного характера: дневники путешественников, детективы, юмористические описания, романы, исторические заметки и лирические сборники стихов. Также пара весьма пыльных энциклопедий о флоре и фауне соседних государств, жизнеописания природоведов, их составивших, и... ничего о магии, словно бы в этом доме не профессор живет.

И является ли Лесски стихийником? Ведь у таких людей библиотеки должны быть научного характера, просветительского, а у него дома – нет. Неужели для практики у него есть личные лаборатория и библиотека в Академии МагФорм? Если так, то проводить обучение в домашних условиях не получится. Я приуныла: придется договариваться с девятым и уповать на его доброе отношение к службе. Размышляя о том, как подвести его к данной нелегкой теме, я приняла ванну, переоделась и присела к зеркалу, чтобы завершить приготовления ко сну. Как вдруг дверь в мою комнату открылась и из нее ко мне шагнул профессор – всклокоченный, с развязанным шейным платком и с рубиновым браслетом в руках, от которого он не отрывал взгляда.

– Вы? – Мой возмущенный выдох вырвал его из размышлений. Лесски поднял голову и удивленно оглянулся.

– Проклятый Всенижний! – Поймав мой изумленный взгляд, он тут же спохватился, пробормотал: – Простите, Ирэна, попал не туда...

Я кивнула и потянулась за халатом, прикрыться. А девятый уже шагнул за дверь и закрыл ее со щелчком. Успела завязать пояс, как вдруг открылись двери моей ванной и разозленный стихийник появился на пороге.

– Опять не туда... Да что это такое?! – Он раздраженно фыркнул и хлопнул дверью.

Это может быть шутка, может быть недоразумение, а может быть и спланированное нападение с введением в заблуждение, подумала я. Спасибо, но меня не к одному правообладателю попасть угораздило, и с подобными фокусами я познакомилась ранее. А потому, не откладывая в долгий ящик, я вооружилась статуэткой, что стояла на камине, призвала стихию и отступила за кровать. Полная готовность к бою.

Интуиция не подвела, он опять ворвался в мои покои, только на этот раз через двери гардеробной комнаты.

– И снова здравствуйте... – вздохнул девятый с сожалением и потянулся потереть затылок: – Ирэна, простите за то, что вломился в вашу комнату... трижды.

– Без стука.

– В следующий раз обязательно постучу... – Правообладатель нахмурился, посмотрев через плечо, и процедил сквозь зубы: – А впрочем, подобное более не повторится.

Я проследила за его взглядом и с удивлением отметила, что там находится отнюдь не моя гардеробная, а совсем другая комната. И, судя по балдахину над кроватью, к работе она была не приспособлена.

– Мне нужно в лабораторию, – сообщил профессор, – но я, как назло, забыл, как строить портал в подвалы. Давно не пользовался, знаете ли.

– Да-да... – ответила так, словно бы сама знаю. Я о порталах лишь читала, но не пользовалась ими никогда.

Лесски посмотрел на меня вопросительно, а я на него недоуменно:

– Простите, вы что-то хотели?

– Прощаю, – улыбнулся кривовато. – Я хотел узнать, могу ли пройти через ваши покои?

– Д-да, конечно, это же ваш дом.

– Благодарю. – Он широким шагом пересек мою спальню и, уже выходя в коридор, сообщил непреклонно: – Уходить буду также через ваши уголья.

– Хорошо.

Когда звук его шагов удалился на достаточное расстояние, я рискнула подойти к ванной, а затем и гардеробной и со вздохом сожаления отметила, что там остались привычные моему взору комнаты.

Получается, что Лесски строит краткосрочные порталы и использует для прохода двери. Удобно. Захлопнул створку – закрыл портал, и нет необходимости поддерживать его, теряя силы. А еще он пришел сюда с женским браслетом, чтобы что-то в лаборатории проверить... Лаборатории!

Статуэтка была мною отброшена на кровать, потоки стихии отпущены, и я побежала за девятым, перескакивая через ступеньку.

– Профессор, стойте!

– Ну что еще? – донеслось раздраженно-уставшее с нижнего этажа.

– Вы говорили о лаборатории, она домашняя, да? – Спускалась стремительно, вполне возможно, быстрее Эвении, а потому, вывернув на новый лестничный марш, не успела остановиться.

– В какой-то мере домашняя, – выдохнул профессор сдавленно, когда я в него со всего маха врезалась.

– Ой...

Он покачнулся, но устоял и меня удержал от падения, правда, удержал в недопустимо крепких объятиях. Заметил со смешком:

– Метеор...

– Извините! И... отпустите, пожалуйста.

Хмыкнул, разжав руки, и продолжил спускаться:

– Почему интересуетесь лабораторией?

– А я бы хотела продолжить обучение...

– Вы маг? В вас не чувствуется дара, – заметил он отстраненно, прямо точь-в-точь как профессор во вступительной комиссии. Но я, вопреки всем прогнозам, все равно поступила и сейчас с гордостью могла заявить:

– Воздушник. Проучилась в Академии Воздушных Поток в Девенсии два года... вернее, полтора. И почти сразу к вам.

Услышав это, девятый обернулся с удивлением:

– Ирэна, вам семнадцать?

– Двадцать, – пролепетала я, смущенная его внимательным оценивающим взглядом. Пришлось пояснить: – Дар появился лишь два года назад.

– С трехлетним опозданием, – посчитал девятый. – А магический резерв какой?

– Он более всего напоминает искры. – И прежде, чем профессор заявит, что мои шансы крайне малы, запальчиво заверила: – Несомненно, к моему двадцатипятилетию он наберет силу и окрепнет.

– Если энергии крохи, – Лесски скептически прищурился и, развернувшись, продолжил спуск со словами: – То мечтать о полноценном развитии дара не стоит.

В чем-то я его понимала, ведь большинство студийцев в двадцать лет завершают начальное академическое образование с наполовину полным резервом. Часть уходит искать свое место в мире, остальные подают прошение на Универсала. А спустя четыре года они устраиваются на работу в королевские магические службы, получают внушительное жалованье, обзаво-

дятся семьями и оседают кто где. И лишь самые сильные из одаренных, получив степень своей стихии, поступают на пятилетний Профессорат, чтобы по окончании преподавать и заниматься наукой. Такие маги на вес золота.

И несмотря на то, что профессор озвучил всем известный факт, мне захотелось сделать ему не свойственную леди гадость, и я искренне пожалела о том, что оставила тяжелую статуэтку на своей кровати.

Видимо, он почувствовал мой тяжелый и кровожадный взгляд, обернулся, чтобы заметить:

– А вы такая хорошенькая сейчас.

Это было не лучшее время для комплиментов.

– А вы не очень, – пробурчала я.

– Тогда прекратите мной любоваться, – предложил правообладатель, улыбнувшись ярче прежнего.

– Я, как вы изволили сказать, люблюсь отнюдь не вами, а результатом моих стараний. Костюм подобран хорошо. Но сейчас главное не это.

Хмыкнул шутливо и пожурил в ответ:

– Однако быстро же вы перенимаете мои словесные обороты.

Что же он никак не поймет, что это важно для меня! Или, наоборот, все прекрасно понимает, а потому и пытается осадить? Протяжно вздохнула:

– Профессор, вы правы. На основе ничтожного резерва крайне редко развивается полноценный дар. Но еще реже в нашем обществе встречается маг-стихийник.

– Да неужели? – Девятый свернул в противоположную кухне сторону и, пройдя по тускло освещенному коридору, остановился перед черной деревянной дверью.

– Ужели-ужели, – гордо расправила плечи и преградила ему путь: – Но мы отвлеклись от темы. Сэр Лесски, скажите, я могу пользоваться вашей магической лабораторией и библиотекой в ваше отсутствие?

Его брови взлетели вверх, губы странно искривились.

– Пожалуйста. В счет сегодняшнего утра пойдите мне навстречу, – попросила тихо.

– А-а-а... – Улыбка вновь осветила его лицо, и он продолжил шутить: – Ирэн, в подрывной деятельности вам уже нет равных. Боюсь представить, что будет, если вы разовьете свой дар.

Раздраженно отмахнулась от очередной шутки, упрямо потребовав ответа:

– Да или нет?

Зря давила, он огорошил меня резким «нет!» и, рисуя на стене невидимый знак, заметил:

– В вас море энтузиазма, но мало потенциала. И я не уверен, что смогу доверить вам сложные реактивы, да и реактивы... вообще.

Правообладатель толкнул дверь и протиснулся внутрь мимо меня. А там сияла чистой огромная лаборатория, забитая стеллажами с реагентами, колбами, мензурками, клетками с подопытными питомцами, столами, заставленными самыми чувствительными приборами, а в центре помещения располагалось шесть площадок для опытов. И после всего увиденного довольствоваться холодным «нет»? Я не для того столько билась!

А Лесски даже не смотрел в мою сторону. Он, став за ближайший стол, поместил браслет под микроскоп со стократным увеличением и начал увлеченно работать с дорогим ювелирным изделием.

Решительно подойдя ближе, я заявила запальчиво:

– В Академии Воздушных Потоків мне довелось работать внештатным лаборантом. За все это время ни одного ЧП не произошло!

– Хорошо замечали следы?

Я не обиделась на очередную шутку, лишь передернула плечами:

– А если и так, то что?

Протяжный вздох уставшего человека раздался в лаборатории, и профессор одарил меня тяжелым взглядом. Стало ясно, шутки в сторону, мы говорим как взрослые люди.

– Ирэна... я не могу с вами сейчас спорить по поводу и без. Давайте обсудим все после моего окончательного возвращения из командировки.

Из этого следовало два положительных момента: первый – разговор не окончен, второй – он будет возобновлен, как только Дейр Лесски вернется. Отлично! За это время я найду дополнительные доводы в пользу моего обучения. И вот тут возник только один вопрос:

– Говоря об окончательном возвращении, вы имели в виду то, что будете еще несколько раз перемещаться?

– Возможно, – не отрываясь от работы, ответил он со вздохом и вытянул руку вперед: – Дайте пинцет.

– И опять в мою комнату? – Я положила инструмент на его ладонь.

Мягкая улыбка появилась на губах правообладателя, когда он поднял взгляд на меня:

– Я постараюсь не надоедать.

– Спасибо за предупреждение.

Значит, будет. Неприятно, но это все-таки его дом. Что ж, завтра же попрошу, чтобы меня переселили в другую комнату. Решив так, развернулась, чтобы уйти, и неожиданно вспомнила:

– Профессор, я...

– Ну что еще? – Он раздраженно выпрямился. – Ирэна, что?

После такого тона захотелось оставить его в покое и не мешать работе с микроскопом, но я сдержала детский порыв, спросила:

– Чем мне заняться в ближайшие три недели? Может, необходимо какие-нибудь бумаги разобрать, отчеты, сложить книги, упорядочить данные, свести баланс, подсчитать расходы? Я умею.

Девятый прищурился, заставив меня от досады прикусить губу. Не привыкла я без дела проводить день за днем, но и стесняться этого не намерена. И вот тут профессор улыбнулся, а я, ощутив тревогу, нахмурилась. Неужели сейчас сработает закон об инициативе, которая наказуема? Кажется, да.

– А это идея! – неожиданно весело провозгласил Лесски и постановил, указав рукой вверх: – Разберите завал на чердачном этаже.

– Этаж? Т-там даже не комната?

– Комната, – кивнул с улыбкой, – но большая.

Я немного заторможенно поблагодарила его за время, уделенное мне, пожелала хорошей работы и ушла. Воображение рисовало горы хлама и лабиринты чердачного этажа, пыль, паутину и пауков. Что ж, кошмары этой ночью мне обеспечены.

Глава 6

Но я заблуждалась. Единственное пригрезившееся видение было просто странным.

Приснился рассвет, и серая дымка неба наполняла безмолвную комнату тусклым свечением. В тишине дома скрипели половицы коридора, слышались шаги, затем открылась дверь, и серая тень, ступая осторожно, пробралась в мои покои. Она стремилась уйти и как можно скорее добраться к другой двери, но вдруг остановилась. Послышался резкий выдох и долгий вдох со свистом, затем слова, приправленные смешком: «Пройти мимо и не запечатлеть может только герой». Что-то зажужжало, а затем сверху раздалось раздражающе звонкое: «Счоп!» И я, спасаясь от неприятного звука, одеялом накрыла себя с головой. Странный сон закончился белой вспышкой и расстроенным шепотом: «Проклятый Всенижний! Ну, смотрелась же хорошо...» И тень, сетуя на чью-то подвижность, ушла туда, куда стремилась, в другую дверь.

А утром от сестричек пришло письмо с весьма кратким содержанием:

«У нас все хорошо. И пусть папенька злится невероятно, мы навестим тебя через три недели. Не скучай и не болей.

P.S. Как выглядит профессор?»

Странно, но на последний вопрос я могла ответить лишь в общих чертах: глаза светлые и волосы тоже, харизматичный, высокий, худой. Во время нашего общения я более всего смотрела на подбородок мужчины и в глаза время от времени, отчаянно стараясь не краснеть. Потому что оказаться застигнутой на неприличных воспоминаниях о голом торсе и волосатых ногах мне хотелось меньше всего.

И что теперь ответить сестрам? Описывать Лесски в подробностях желания нет, особенно после вчерашнего его заявления о любовании. И дабы обезопасить себя от его подтруниваний, впредь и не подумаю рассматривать правообладателя ни вблизи, ни на расстоянии. А сейчас, чтобы сестрам ответить, я решила обойтись малой кровью, вспомнила, что в кабинете профессора висит его портрет, а в одном из шкафов пылится без дела запечатлитель.

Быстро позавтракав, я вернулась в угоidia девятого и, освободив аппарат из чехла, прицелилась, наведя его на полотно. Легкое нажатие на кнопку, и новомодное изобретение издало раздражающе звонкое: «Счоп!», а затем меня ослепила вспышка. Она была сродни уколу, резкая и колючая. Минуту я терла глаза и шипела от боли, стараясь не ругаться на изобретателей этого чуда. Теперь понятно, что мой предрассветный сон был вещим и одеяло в нем означало чехол, которым я забыла прикрыть глаза. Что ж, самое время начинать верить снам. Вот тут мои размышления прервал странный тихий треск, которого в кабинете быть не должно по определению, ведь мною ничего не было сломано вроде бы. Но, вскинув голову, я удивленно застыла: портрет из-за вспышки запечатлителя медленно и неотвратимо покрылся кракелюром.

– О Всевышний!

Тук-тук-тук! Кто-то постучался в двери кабинета, спрашивая разрешения войти. Как не вовремя, и все же мне хватило мгновения на то, чтобы выудить стеклянный слайд отображения и, закрыв аппарат в чехле, положить его на место.

– Войдите.

Дверь мягко распахнулась, и в кабинет шагнули горничные-вампириши. Кожа с серым оттенком, клыкастые улыбки, красные глаза, острые подбородки и заостренные кверху ушки казались единственным, что отличало двух светловолосых кровопийц от обычных девушек. Но мое заблуждение развеялось, как только они слаженно двинулись ко мне. Преодоление шести разделяющих нас метров произошло мгновенно.

– Смотри-ка, что за фрукт! – воскликнули они в один голос, замерев буквально в шаге от меня.

– Доброе утро, – прошептала сдавленно, стараясь не паниковать. Но под изучающими взглядами двух хищниц держать себя в руках было нелегко. Я сделала шаг назад.

– Доброе! – Они этот шаг тоже преодолели.

– В-вы горничные, я права? – А голос дрожит, и дыхание от страха обрывается.

В поисках защиты неосознанно отступила за кресло. Так они к нему прилипли с двух сторон:

– Да!

– Я Лилид, – представилась первая, более полненькая из них.

– А я Дивир, – сказала вторая. – Мы из клана Зрячих.

– Ирэна Адаллиер, профессорская служба.

О вампирах мне известно совсем чуть-чуть, и то лишь из страшных историй. И получается, что раса чрезвычайно агрессивна и кровожадна, живет в закрытых королевствах на краю нашего мира и вечно голодает из-за недостатка человеческой крови. Вот и меня фруктом называли, наверное, съесть хотят.

– Г-го-о-о-лодны? – спросила я, сглотнув.

Они переглянулись и звонко рассмеялись, вмиг потеряв весь свой хищный вид.

– Ну, насмешила! Го-о-олодны? – перекивили они мой испуганный голос, отчего мне самой стало смешно.

– Да завтракали уже! – улыбнулись вампириши.

– Вот за работу взялись. – Дивир продемонстрировала швабру, веник и щетки с тряпками. – А ты, наверное, со вчерашнего дня голодаешь, раз так интересуешься?

– Я? – Как-то сразу и дышать легче стало, и улыбаться, почувствовала себя почти как с сестрами. – Я вчера завтракала с Гансом, а затем он показал, что и где на кухне находится.

Девушки одновременно улыбаться перестали.

– Его Величество Дворецкий снизошел до службы? Хм... – пытливо прищурилась Лилид, тут же перейдя на безразличный официоз: – Ирэна, вы, случаем, не больны?

– Нет-нет! Я действительно завтракала с ним. И Ганс прекрасно сервировал стол в гостиной...

Но чем больше я говорила, тем сильнее они хмурились.

– Еще скажите, что на десерт он подал мороженое! – фыркнула Дивир, перебив меня на полуслове.

– Или улыбался! – добавила вторая, принимаясь за уборку.

– Но...

Договорить мне не дали их сверкнувшие злостью взгляды:

– Если подобное хоть когда-нибудь и произойдет, на землю опустится мрак! – заявили они остервенело.

И я решила промолчать. Ушла наверх.

Чердак встретил меня изобилием пыли, паутины, завалами книг, а еще здесь было холодно, темно, сыро и пахло отнюдь не морозом. Взглянув на все это, я поняла поговорку: «Глаза боятся, а руки делают». Не знаю, когда очнутся руки, но глаза испугались настолько, что я и сама не заметила, как вернулась в свою комнату.

Ясно одно: надо составить план работы с учетом жалких крох моей энергии, потому что человеческих сил мне вряд ли хватит. Итак, в первый день удалить пыль и паутину, во второй – вскрыть сундуки с фолиантами и часть спустить на первый этаж, в третий – начать разбор в холле. Он большой, теплый и светлый, как раз подойдет для сортировки макулатуры на «надо», «не надо», «пусть еще пылится». А еще из него можно будет понаблюдать за жизнью в доме, одновременно попадая на глаза немногочисленным служащим. Последний пункт чрезвычайно важен: если я умру среди книжных завалов на чердачном этаже, они не скоро заметят, а вот в холле – другое дело.

Вздыхнув, оделась теплее и вновь решительно поднялась наверх, чтобы исполнить первый пункт плана. В этот день мне удалось выдуть пыль из всех щелей, спустить вниз книги из четырех стеллажей и одного сундука, поспорить с горничными и даже кое-что разобрать. Составляя перечень предметов, нужных для сортировки, я нахваливала себя за энергичность, напористость и стойкость... И, кажется, уснула с улыбкой, подгребая книги под себя.

Проснулась на рассвете из-за повторившегося сна со «счопом» и вспышкой. «Да что ж такое!» – возмутилась тень и убежала наверх. В тот раз, с трудом разгибая спину, я пообещала себе, что более спать внизу не останусь. Обещание было твердым и стойким, но в следующие три ночи я по-прежнему засыпала на книгах в холле, а просыпалась, как ни странно, в своей комнате поверх одеял. Сон со «счопом» уже не тревожил, сменившись странным отсутствием каких-либо воспоминаний о том, как я переместилась в свои покои.

И я была бы далека от разгадки этого обстоятельства, если бы не направилась в кухню раньше обычного. Итак, спускаюсь в кухню, а там... Оборотница в полуобороте тушу тельца голыми руками разделяет! С потомками ночи я за всю свою жизнь встретила дважды, и если в первый раз волк с ревом напал, то эта безразлично скривилась, потянув воздух носом:

– Вы кто такая?!

– И-и-ирэна Адаллиер. – Я вжалась в стену, мечтая с нею слиться, и прошептала еле слышно: – Профессорская служба.

– То, что профессорская, я и без тебя чувю. – В ее лапе хрустнули кости позвонков. – Пропахла вся!

– Ч-чем? – Быть может, домом или пылью, я же все время занимаюсь книгами.

Она не ответила, продолжив сквозь зубы обличать меня в каком-то неугодном деле:

– И не стыдно в одной койке с мужчиной и без росписи?!

От страха меняхватило лишь на возмущенное заикание:

– Я! Да я... я...

– Вы! – прорычала она сердито и окровавленной рукой указала на меня. Впору было бы испугаться повторно и удалиться. Но вот тут мое чувство самосохранения отступило перед вспышкой праведного гнева.

– Да как вы смеете обвинять меня в чем-либо подобном? Да вы знаете, кто я?!

– Знаю, – оборвала она грубо, – вы шлю...

И что она хотела сказать своим «вышлю»? Кого вышлю? Я не успела услышать, кого она собирается выслать, как вдруг злобную волчью пасть закрыло рукой... Ганса. Он опять бесшумно подобрался, да так, что его не заметили ни я, ни она. Как ни странно, кусать дворецкого оборотница и не подумала, притихла и даже полуоборот свой скинула, став человеком.

– Кхм, матушка Агафья, вы опять спешите с выводами, – заявил огневик, убирая руку от лица приятной с виду, невысокой и полноватой женщины лет шестидесяти, в чепчике с кружевами, цветастом домашнем платье и белом переднике.

– Не может быть! – скептически протянула она.

– Может. Ирэна разбирает завалы на чердаке и заснула в холле, а Дейр по доброте душевной донес девушку до кровати... – терпеливо пояснил дворецкий.

– До чьей кровати?

Вот так мне стало известно, что умереть под силу не только от страха, но и от стыда. О Всевышний! Желая удалиться, я сделала шаг в сторону и остолбенела: возле меня в деревянную панель стены со свистом воткнулся тесак.

– Не так быстро, милочка, – рыкнула повариха, вертя в руках уже топорик. – Ганс, я жду ответа.

– До ее кровати, – фыркнул дворецкий, попытавшись отобрать у нее холодное оружие, – до кровати Ирэны, я свидетелем был... вчера.

Оборотница прищурилась, и без слов стало ясно: дворецкому она ни за что не поверит, а меня с радостью убьет. Желая пожить еще немного, я аккуратно обошла тесак, сделала шаг и... оказалась перед воткнутым в панель топориком.

– Агафья, успокойтесь и не кидайтесь в девушку ножами. – Огневик начал терять терпение.

– Так она же пропахла вся.

– Да просто все! В ее гардеробе Дейр установил краткосрочный портал...

– Портал ничего не объясняет... – парировала она, выживая из-за пазухи охотничий кишкорец – нож с широким, чуть изогнутым к концу лезвием.

– Если вы продолжите меня перебивать, понятнее не станет, – укорил Ганс и рывком вырвал нож из ее обманчиво нежных рук: – Его переходник время от времени не срабатывает...

– И что?

Ганс хмыкнул, поясняя:

– И наш профессор несколько раз шагнул не в пространство портала, а в вешалки леди.

– Что?! – Я не вопила, но они оба вздрогнули от моего голоса, и в кухне наступила абсолютная тишина.

– Мало того что он через мои покои ходит, ко мне без спроса прикасался, так еще и рылся в моих вещах!

– Ну... – попытался оправдать его дворецкий.

Из кухни вылетела стремительно, не обращая внимания на удивление оборотницы: «Настоящая леди с принципами?» и обреченное Гансово: «Как видите, да».

Столовая, кабинет, библиотека, хозяйская спальня... я напугала горничных, но не нашла профессора и, кипя негодованием, влетела в свою комнату и обнаружила его у двери в мою гардеробную.

– А вот и вы! – улыбнулся Лесски, поправив и без того идеально завязанный шейный платок. – Я уж боялся уйти, не застав вас сегодня...

Еле сдержалась, не хлопнула дверь и не потянулась за статуэткой, стоящей на каминной полке. Сцепила руки перед собой, попыталась улыбнуться, но, видимо, на моем лице крупными буквами было написано, что пришла я отнюдь не с миром. И девятый стер улыбку с лица, спросил:

– Ирэна, что-то случилось?

– Вы! – судорожный вдох и почти правда: – Ничтожнейший человек. Беспринципный, бессовестный, бессердечный и безответственный женоненавистник!

– Ирэна, что происходит? – спросил профессор с недоумением.

– Объяснение! – зло выдохнула я, сжимая кулаки и пряча их в складках платья. – Вы использовали меня, чтобы спасти свою шкуру в первое же утро. Но пальца о палец не ударили, чтобы позаботиться о моей репутации!

– Не понимаю...

– Конечно нет! – прошипела, сделав шаг навстречу. – Я сама только сейчас осознала причину холодного поведения всех служащих этого дома! Вы построили портал в мою комнату, – еще шаг, – пропитали одежду своим запахом, – еще один крохотный, – и ничего, ничегошеньки не объяснили людям!

Я остановилась напротив Лесски, гневно глядя в его светлые глаза и мечтая растерзать, а он опять пошутить вздумал.

– Из людей здесь только кучер, я, вы и Ганс... и надо заметить, последний является человеком лишь наполовину. – На лице девятого расцвела улыбка. – Так о ком речь сейчас?

Это немыслимо!

Отзываясь на мой гнев, воздушные потоки взбунтовались, закручиваясь спиралями, и все предметы в комнате задрезжали, заходили ходуном, заскрипели протяжно.

– Простите, поправочка. О нелюдях! – И, не давая ему вставить и слова, воскликнула: – Вы хоть представляете, что они обо мне подумали, учуяв ваш запах на мне?! На моей одежде... А ведь я служкой назначена на четыре года, служкой. Ну, соображения какие-нибудь есть?

– А... – догадливо протянул он, словно бы только что понял великую тайну Вселенной, но, взглянув в мои глаза, осекся: – Ой.

– И это все, что вы можете сказать?!

На мгновение в комнате все остановилось, воздух замер, удерживая сорванные предметы на весу, ожидая ответа.

Но девятый произнес лишь: «Я...» – и замолчал, эгоист.

– Просто превосходно...

Шмыгнув носом, я преодолела оставшиеся шаги до ванной комнаты и закрылась там. Потоки стихии уgomонились, сбросив предметы, а часть из них явно попала на стихийника. Как оказалось, мой правообладатель знает не только высокохудожественный литературный язык, но и кое-что из матросских выражений. Приятно слышать, что ему хоть чем-то по хребту досталось, жаль лишь, что прожить весь срок кривы в ванной мне не суждено. Пришлось брать себя в руки, затем приводить в порядок и шагать наружу.

К моему удивлению, в комнате было пусто и чисто, все предметы находились на своих местах, а на столике перед зеркалом лежала записка от девятого:

«Прошу прощения. Впредь буду осмотрительнее».

О том, поговорил ли он с прислугой, рассказало добродушное поведение последних. Мне перестали отказывать в помощи под самыми немыслимыми предлогами, как это делали кучер и конюх, горничные прекратили пугать и проливать на книги мыльные растворы, а повара более не позволяла себе хамить, называя меня почти ласково «милочка». Дабы сэр Лесски более в моем гардеробе не плутал, мне наконец-то позволили переехать в другую комнату, что я сделала с превеликим удовольствием в тот же день.

В последующую неделю Ганс в доме появлялся редко. Говорил со мной лишь тет-а-тет, в остальное же время он был отстраненно надменным, как аристократ голубой крови. Настоящий Его Величество Дворецкий.

* * *

На четырнадцатый день своего служения я случайно нашла стеллаж с книгами для студий озов столичной академии, почти полный набор курсов по стихиям: земля, воздух, вода, огонь, дерево и металл. Восприняла это как хороший знак, решающий. Буду учиться самостоятельно, а Лесски пусть продолжает думать, допускать меня в лаборатории или нет. Оставив стеллаж на чердаке, я спустилась в столовую к обеду и с удивлением обнаружила Ганса и профессора, увлеченно обсуждающих какое-то изобретение.

Увидев меня, они смущенно замолчали.

– Добрый день, разрешите присоединиться... – и, услышав «да-да!» от одного и «присаживайтесь...» от другого, с улыбкой добавила: – К обсуждаемой теме.

Лесски, поднявшийся, чтобы помочь мне занять свободное место, удивленно застыл:

– Зачем?

– Леди интересно, – ответил за меня дворецкий и, отодвинув стул, галантно помог мне сесть. – Мы только «за»!

Отвечает за двоих, удивительное панибратство с хозяином дома, а слуг при этом он считает неровней. Исключением стала я. И с чего бы это?

– Благодарю. – Спина ровная, руки на коленях, взгляд сияющий. Я улыбалась, не обращая внимания на возникшую за столом тишину.

– Может, чаю? – спохватился Ганс. – Вам с молоком или без?

- Без, спасибо. – Взяв чашку, спросила: – Так что вы обсуждали?
- Прибор, – пробурчал девятый, пряча взгляд на дне чашки.
- Какой? – не поленилась я задать встречный вопрос.
- Сложный.

И опять сухой ответ. Если бы мы говорили в другое время, я бы промолчала, но сегодня, в этот чудесный безоблачный зимний день, его нежелание говорить меня ничуть не задело.

- Магтехновинку или последнее улучшение старой?
- Новинку. – Кажется, в голосе правообладателя появилось раздражение. И с чего бы это?
- Новинками этого года стали: пятновыводитель, запечатлитель и эварсоп для докторов, –

блеснула я осведомленностью и благодушно спросила, помешивая чай: – Что обсуждаете вы?

Со стороны вся ситуация выглядела смешно и обыденно: маленькая девочка ворвалась на территорию взрослых мужчин. Но те держатся обособленно в стороне и продолжают с серьезным лицом лепить куличики. Вернее сказать, профессор все еще лепил, то есть чертил что-то в блокноте, а Ганс отстранился, с интересом переводя взгляд с него на меня. Истинный огневик – ждет, когда ситуация станет погорячее, чтобы вступить в диалог.

Молчание затягивалось.

– А я все еще жду ответа, – произнесла нараспев и улыбнулась. – Так над чем вы работаете?

Мужчины обменялись взглядами, и девятый сдался, предъявив свои «куличики». Он показал мне блокнот, поясняя:

- Совершенствуем запечатлитель. – И глядя в сторону: – У него слишком громкий звук.

Я вспомнила свою попытку фиксации портрета на слайд и озвучила собственное замечание:

– Это не самая большая проблема аппарата. Вы видели его вспышку? Она ослепляет человека и портит красящий слой картин! Право слово, в борьбе за улучшение первым делом стоит ослабить именно ее.

Лесски молчал, и взгляд его, направленный исключительно на меня, весьма настораживал. Неужели он увидел нанесенный портрету урон? Если так, я пропала.

- Вспышку? – Лицо дворецкого дрогнуло, но не просияло улыбкой.

– Да, – взяв перо, обвела кружком пластину в схемах аппарата. – Уверена, что это из-за сверхсильной линзы. А что до звука «счоп!», он еще не так страшен.

- Но будит спящих, – усмехнулся огневик.

И неизвестно за что, но он получил от профессора воздушный удар по шее. Пусть я не увидела этого, но волнение потоков ощутила.

– А вы пытались запечатлеть человека во сне? – недоуменно спросила, переведя взгляд с дворецкого, который вновь надел каменную маску, на профессора. – Зачем?

- Композиция была на удивление...

- Изящной, – оборвал его Ганс.

- Очень... – подтвердил Лесски и прищурился, глядя на меня: – Но звук ее спугнул.

– Ко всеобщему сожалению, – вздохнул огневик и с невинным взглядом сообщил: – Говорят, там было на что посмотреть.

- Вот как? – Я пожала плечами, стараясь не вспоминать королевский вид сзади.

И нет сомнений в том, кого хотел запечатлеть профессор. Наверняка он разбудил леди Ритшао щелчком и поплатился полным опустошением резерва. И, несомненно, стихийник глупо попался и крупно пострадал, однако это абсолютно не мое, служкино, дело. А потому, не осуждая развязного поведения Лесски, я признала его правоту:

- Что ж, в этом случае звук действительно слишком резок.

За столом раздался тихий вздох облегчения. Далее мы обедали в учтивом молчании, однако долго оно не продлилось.

– Ирэна, простите за любопытство. – Ганс смотрел с усмешкой. – А когда вам довелось использовать запечатлитель?

Сказать, не сказать? Смолчать, не смолчать? На самом деле портрет не настолько испорчен, чтобы это стало заметно. И Лесски, отображенный на нем, благодаря мелким трещинкам приобрел шарм благородства и теперь не казался завзятым франтом из столицы. Хотя, надо признать, сестры отнюдь не против приобрести девятого даже в амплуа щеголя. Они мне так и написали: «Такой в зятях нам бы очень пригодился». На что я ответила: «Кому надо, та пусть и берет». Но все это пустое... Так что же ответить?

– Мой жених... бывший... был счастливым обладателем этого аппарата. – Это правда, однако я никогда не видела его приобретение.

– И он не объяснил, как уберечь глаза от вспышки?

Въедливый прищур дворецкого не позволил смутиться, и я гордо вздернула подбородок, объясняя:

– Не поверите... хотела сделать сюрприз. А в итоге чуть не ослепила и его, и себя.

– То есть вы были в ладу с женихом? – Это уже Лесски оторвался от сочной отбивной. Посмотрел заинтересованно.

Я ушла от ответа, не покривив душой:

– Трудно сказать, ведь именно с ним я поняла, что лучше не делать сюрпризов.

И огневик вновь проницательно предположил:

– Потому что один из них закончился пожарищем?

– Обнаружением измены, которая привела к пожарищу! – поправила я. И даже позволила голосу дрогнуть, словно бы это событие было сильнейшим ударом. Несомненно, оно таковым и было, но отнюдь не из-за интрижки сэра Норвилла.

– А пожар разожгли вы? – не отступился дворецкий.

– Я? – тяжелый вздох и рассеянное: – Я была потрясена и мало что помню, в отличие от огневички, что ютилась в руках... барона.

– А... – начал было Ганс, но профессор его остановил:

– Мы собрались, чтобы пообедать.

– Простите, не хотел испортить аппетит.

– Ничего-ничего... – прошептала я.

А по глазам огневика видно, что этот разговор не окончен. Что ж, Ваше Величество Дворецкий, сейчас и я предьявлю свое умение видеть детали и читать между строк.

– Скажите, Ганс, сколько столетий насчитывает ваш род в Аркаде? Шесть или всего лишь пять?

– Девять! – рьяно вступился он за честь своих предков и попал в мой капкан.

– Так вы из очень знатного рода... – невинно посмотрела на мужчину, окаменевшего не только лицом, но и телом. – Как интересно! И какая причина загнала вас сюда, в предместье Ридмейры?

– Проклятый Всенижний! – выдохнул профессор, отбросив приборы.

– Ирэна... – Голос дворецкого был зловещим, глаза метали молнии, а я продолжала улыбаться, точно зная, что на конфликт он не пойдет. Огневик в бегах или около того, и личность свою раскрывать не намерен, а значит, припугнет: – Я попрошу вас, мисс Адаллиер...

– Оставьте, Ганс, мы же в одной упряжке. – Коварная улыбка и вопрос: – Или к вам следует обращаться иначе? Гансуорд эль Гаерд, а может, Гансвирд эль Шозарри?

Я наугад назвала имена холостых потомков двух самых значимых родов Аркады и не прогадала. Мужчина потемнел лицом, но быстро справился с нахлынувшим гневом:

– Вы, моя дорогая, можете звать меня просто Ганс.

– А вы меня – Ирэной, я не против.

Атмосфера холодной войны медленно сошла на нет. У меня получилось даже свободнее вздохнуть и вновь напомнить себе о найденных книгах, а значит, и о светлом будущем.

– А... – хотел что-то спросить профессор, но на этот раз был оборван огневином:

– Мы собрались, чтобы пообедать.

– Действительно, – согласилась я, – не стоит задавать неуместных вопросов. В противном случае мы переключимся на вас, а вы вряд ли это вынесете...

– Зря, – брякнул дворецкий и, позабыв об обиде, сверкнул потрясающей улыбкой и взглядом указал на профессора.

Интриган подставил меня мнимой фамильярностью и вседозволенностью в общении с правообладателем, и я с опозданием поняла нелепость собственных умозаключений. Прикусив губу, посмотрела в сторону помрачневшего Лески, мысленно припомнив пару неприличных выражений. Может, попросить прощения? Вдруг пронесет?

– Не стоит, – неизвестно к кому обращаясь, прошептал черноглазый пакостник в то время, как светлый взгляд девятого наливался гневом, а голос сталью.

– Иначе что, Ирэна? – Казалось, что мое имя он проскрежетал.

Рано я возомнила себя равной, нужно было промолчать, превратиться в статую или вовсе удалиться к себе, но поздно. Можно взмолиться о прощении, можно устроить истерику, разыграть ничего не понимающую дурочку, но все это не позволит избежать наказания в будущем. Поэтому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.